

Кит Глубокий

**Забывтый.
Гроза
среди
серых**

ЗабЫтый

Кит Глубокий

ЗабЫтый. Гроза среди серых

«Автор»

2026

Глубокий К.

Забывтый. Гроза среди серых / К. Глубокий — «Автор»,
2026 — (Забывтый)

В книге «Забывтый. Гроза среди серых» читатель окунётся в мир, где мифы и легенды переплетаются с фантастическими реалиями. Главный герой оказывается в совершенно новом для себя месте, где его ждут испытания и опасности. Он должен выжить и найти путь к своей цели. В этом мире есть тайны, которые предстоит разгадать, и силы, с которыми придётся сразиться. Среди них — лабиринты души и мистические силы, которые могут помочь или помешать герою. Путешествие главного героя будет наполнено приключениями, борьбой с собой и внешними угрозами. Книга сочетает в себе элементы фэнтези и эпических сказаний, где каждый шаг может стать решающим.

© Глубокий К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	55
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кит Глубокий

Забытый. Гроза среди серых

Глава 1

Портал не отпускал — он выталкивал. Элиас почувствовал это сразу, как только пересёк его порог. Это был не плавный переход, а резкий, грубый толчок, будто пространство само отшвырнуло его, как камень из пращи. И он закрутился.

Левая нога ушла вперёд, правая осталась сзади, плечо провернулось против часовой стрелки — и всё завертелось. Он попытался среагировать, применить ту самую «левитацию через несопротивление», но она требовала внутреннего покоя, тактической уступки потоку, а здесь не было потока — был хаос. Его выбросило в пустоту, где не было ни верха, ни низа, только дикое, бессмысленное вращение во всех плоскостях сразу. Он видел мелькающие обрывки багрового свечения, чёрные прожилки портала, собственные разлетающиеся пряди волос. Попытка собрать волю рассыпалась, как песок сквозь пальцы. В ушах загудел нарастающий вой, в висках застучало. Сознание поплыло — сначала краем, потом целиком.

Тьма. Тихая, безмысленная.

Сознание вернулось резко, как удар кулаком в солнечное сплетение. Он вдохнул — и вместо ледяного воздуха Разлома в лёгкие хлынула холодная, солёная, жидкая тяжесть. Он захлебнулся, закашлялся, инстинктивно рванулся вверх. Глаза сами раскрылись, но увидели только мутную зеленоватую мглу, пронизанную редкими лучами света сверху.

Вода.

Мысль пронеслась острой, холодной иглой сквозь панику. Он должен был оказаться на каменном плато. На твёрдой, пусть и перевернутой, земле. В «Чреве Мира». Где скалы, ущелья, древний камень. А он... в воде. В океане? Море? В каком-то проклятом озере, море, океане?

Сбился с пути. Слова отдались в голове глухим, стыдным эхом. Неправильно рассчитал. Не дочувствовал. Не дослушал. Образ Тилии, которая бы нашла точный резонанс, мелькнул с унижительной ясностью. А он — пробил, проломил, и попал не туда. Заблудился на первом же шаге.

Паника, горячая и беспомощная, сжала горло, словно ледяная удавка. Мысли, отточенные годами дисциплины, рассыпались в прах, оставив лишь три обжигающих осколка: Мать. Сестра. Часы. Инстинктивно, сквозь вату нарастающего шока, он поднял руку. Движения были тягучими, противоестественно медленными, будто вода вокруг была не солёной влагой, а жидким свинцом.

Взгляд упал на запястье. Три концентрических круга, вплавленные в кожу, мерцали холодным серебристым светом. Всё было «нормально» — если можно назвать нормальным тиканье этих проклятых часов. Самый внешний, самый широкий круг лишь начал терять сияние у самого края, на счётчике судьбы едва обозначилась первая, тонкая черта пустоты. Время текло. Неслось. Но пока — не бежало. Оно только взяло разбег.

И тут сознание, пронзённое этим ледяным фактом, наконец доложило о других, более простых и оттого более чудовищных. Холод. Не просто озноб от воды, а голый, неприкрытый холод, обнимающий всё тело. Он посмотрел вниз.

Одежды... не было.

Ни прочного, пропитанного защитными составами плаща. Ни даже простой рубахи. Только бледная кожа, мурашки и стекающие по ней струйки солёной воды. Он рванулся, пытаясь ощупать спину, — пустота встретила ладонь. Мешка не было. Ни запасов, ни инструментов, ни тех немногих, бережно упакованных артефактов, что должны были помочь выжить.

Он был гол. Абсолютно. Безоружен. Лишён не только ориентира, но и всего, что делало его воином, Стражем, хоть какой-то силой.

Стыд ударил вслед за паникой, жгучий и унижительный. Он не просто сбился с пути. Он был вышвырнут в этот мир не только беспомощным, но и обнажённым. Как новорождённый, лишённый даже тряпицы. Как пленник, которого лишили всего достоинства ещё до битвы. Его гордыня, та самая стальная решимость, что должна была быть его щитом, звонко треснула, обнажив под ней испуганного мальчика из того самого кабинета. Кто ты такой, чтобы защищать вселенную, если не можешь удержать даже собственный мешок? — прошипел внутренний голос, звучащий подозрительно похоже на холодные интонации его отца.

Он зажмурился, пытаясь выдохнуть этот ком позора. Но реальность была неумолима: его тело, его часы и бескрайняя, равнодушная вода. Всё, что у него осталось от долга, миссии и самого себя, — это татуировка, отсчитывающая время, которого у него уже тает. И тихий, всепоглощающий ужас от того, что он подвел их всех ещё до того, как начал.

Он заставил себя перестать дергаться. Плавать он умел — аристократическое воспитание включало и это. Но теперь его тянуло ко дну не снаряжение, а сама леденящая тяжесть воды, обволакивавшая голое тело, и остаточное головокружение от безумного вращения в портале. Мускулы, привыкшие к доспехам и грузу долга, теперь казались чужими, ватными. Он отчаянно заработал ногами, судорожно вынырнул на секунду, хватая воздух ртом, и успел заметить, что вокруг — только вода, до самого горизонта.

Серо-зелёная, тяжёлая, покрытая низкой рябью. Небо над головой было затянуто сплошным слоем свинцовых туч, без просветов, без солнца. Свет был рассеянным, тусклым, бестелесным. Ветер нёс мелкую, колючую водяную пыль, которая тут же прилипла к коже, смешиваясь с солёной влагой океана. Холод проникал глубже, цеплялся за кости — без какой-либо ткани, чтобы хоть как-то его задержать.

Но там, вдалеке, на границе зрения, угадывалась темная полоса. Берег. Или, по крайней мере, что-то, похожее на сушу.

Новое решение родилось не из расчёта, а из чистой, животной необходимости двигаться, вырваться из этой леденящей, бескрайней ловушки. Раз вода мешает — убрать воду.

Мысль была грубой, примитивной, как удар кулаком. Он перестал барахтаться, позволив телу погрузиться глубже. Холод сомкнулся над головой, солёная темнота на мгновение поглотила его. Он падал в толще, казалось, бесконечно, пока его пятки не встретили неожиданное сопротивление — сначала мягкое, уступчивое, затем твёрдое. Песок.

Хорошо.

Элиас закрыл глаза, отсекая давящую пустоту вокруг. Он представил не уступку, не поток, а стену. Твёрдую, непреклонную, как щит. Он собрал волю — не тонкую, как у Тилии, не сложную, как у Виктора, а простую и прямую, как удар кулаком. Силу отчаяния, стыда и ярости на самого себя.

И выпустил её от себя вперёд, в воду, по направлению к берегу.

Вода перед ним не расступилась — её отшвырнуло. С гулким, низким бульканьем образовался коридор шириной в два шага, стенки из уплотнённой, дрожащей жидкости удерживались грубым силовым полем. Дно обнажилось — влажный, тёмный песок, перемешанный с ракушками и водорослями.

Элиас шагнул вперёд. Шаг был тяжёлым — ноги вязли в иле. Он шёл, не оборачиваясь, поддерживая давление воли. Вода смыкалась за его спиной с тяжёлым плеском. Воздух в коридоре пахло солью, гнилью и озоном. Шум прибоя, доносившийся с берега, теперь звучал глухо, как за стеной.

Он шёл, считая шаги, экономя силы, но не останавливаясь. Мысли крутились вокруг одного: найти твёрдую землю, сориентироваться, понять, где он и как добраться до настоящего «Чрева». Часы тикали за его спиной незримым грузом.

И тогда он увидел обломки.

Сначала это была всего лишь тень на песке, крупнее прочих. Затем — изогнутый осколок потемневшего дерева, вросший в дно. Ещё несколько шагов — и коридор привёл его к настоящему крушению.

Это был корабль. Вернее, то, что от него осталось. Корпус, разломанный пополам, лежал, наполовину зарывшись в песок. Но масштаб...

Элиас остановился, на мгновение ослабив давление. Вода с боков тут же ринулась внутрь, заливая ему ноги по щиколотку. Он снова сосредоточился, отбросил её прочь, но взгляд уже не отрывался от обломков.

Это был деревянный бриг. Узнаваемая форма, три мачты (теперь сломанные), резные борта. Но всё было... гигантским. Борты вздымались над ним на высоту трёх, а то и четырёх этажей. Шпангоуты, торчащие из обломков, были толщиной с его торс. Доски обшивки напоминали стены крепости. Это был корабль, построенный для существ, втрое-вчетверо крупнее человека. Или... построенный по другим, нечеловеческим меркам.

Ледяной треск пробежал по спине. Это был не его мир. Даже не близко.

Он обошёл обломок, заглянул в зияющий пролом в борту. Внутри царила темнота, но его глаза, привыкшие к тусклому свету, различили остатки утвари: огромный деревянный бочонок, разбитый, словно скорлупа; обрывки парусины, похожей на кожу; металлическую скобу размером с его голову.

Здесь кто-то жил. Или что-то. Время. Нужно двигаться.

Он оставил обломки за спиной и продолжил путь, сердце отбивало тяжёлый, тревожный ритм. Берег приближался. Теперь он видел детали: невысокий песчаный бруствер, за которым угадывались очертания скал или, возможно, строений. И над всем этим — низкое, тяжёлое, серое небо, готовое разверзнуться в любой момент.

Он сделал последнее усилие, вытащив себя из воды на влажный, плотный песок берега. Коридор рухнул, вода с шумом вернулась на своё место, окатив его спину ледяной волной. Элиас упал на колени, тяжело дыша. Рука снова потянулась к запястью.

Время шло. Он был один в незнакомом, огромном мире. Заблудился.

Но он был жив. И он был на земле.

Он поднялся на ноги, дрожа от холода и напряжения, и медленно, как во сне, обернулся назад, туда, откуда пришёл. Взгляд скользил по серой линии горизонта, пытаясь собрать воедино абсурдный пейзаж. И вдруг — зацепился, споткнулся, и в сознании что-то щёлкнуло, перестроилось.

То, что он в спешке, в головокружении падения, принял за каменное плато, нависающее вверху... двигалось. Медленно, величаво. Это были не скалы. Это была плотная, серая пелена облаков, плывущих по самому краю мира, но не над ним, а вдали, на одном уровне с ним, затягивающая горизонт сплошной, низкой стеной.

А то огромное, свинцовое пространство, что он с ужасом принял за бездну под ногами, пока летел вниз головой... оно было неподвижным. Невероятно огромным, зеркальным, простирающимся во все стороны. Не небом. Водой. Океаном, чья гладь уходила за тот самый горизонт, где висели облака.

Соль капала с его подбородка, и он проследил за одной каплей. Она упала вниз, на влажный песок у его ног. Чётко. Невозмутимо. Так, как и должна была упасть.

Воздух вырвался из его груди коротким, хриплым звуком — не ужаса, а жёсткого, почти злого прозрения. Гравитация здесь была на месте. Его взгляд через марево перехода, собственное падение, бешеная раскрутка — они исказили его восприятие. В последние секунды перехода, вылетая из портала вниз головой, он видел мир перевёрнутым и зафиксировал эту картинку как данность. Но реальность была проще и страшнее. Он не стоял на потолке мира. Он

стоял на его дне. На клочке суши, затерянном в океане чудовищных масштабов, под низким, давящим небосводом из облаков и тумана. «Верх» и «низ» были на своих местах. Ошибся он.

Но это означало и другое. Он не сбился с пути. Эти облака на горизонте, этот неподвижный, бескрайний океан, эта гнетущая, сырая атмосфера — всё это идеально совпадало с описанием «Чрева Мира». Места, где древние пласты реальности обнажены, а границы между стихиями стёрты. Он попал точно в цель. Его грубый силовой метод сработал, доставив его в нужную точку с чудовищной, но эффективной прямолинейностью.

Он поднял голову, вглядываясь в серую пелену, натянутую между небом и водой. Где-то здесь было «Чрево Мира». Где-то здесь — Сердце Плоты. И он найдёт его. Не изящно. Не тонко. Но найдёт.

Потому что иного выбора у него не было. За его спиной оставалось не только море, но и весь его мир. И двое людей, которых он поклялся защитить. Даже если для этого пришлось бы раздвинуть целый океан.

Он поднялся на ноги, отряхнулся и, не оглядываясь на следы своего странного прибытия, сделал первый шаг вглубь серой, незнакомой земли.

И мгновенно замер.

Они стояли в пятидесяти шагах от воды, полукругом, будто ждали. Гиганты. Двое. Каменного цвета, оттенка влажного шифера и старого гранита. Каждый — вдвое выше его, а он был высок даже по меркам аристократов. Их плечи были шире дверного косяка, а руки, свисавшие по бокам, заканчивались ладонями, в которых его голова уместилась бы, как яблоко.

Но не размер заставил кровь застыть в жилах. А сходство.

Широкие, почти квадратные челюсти. Массивные надбровные дуги, нависавшие над глубоко посаженными глазами, тлеющими тусклым, словно отражённым от камня, жёлтым светом. Плоские, широкие носы и торчащие из нижней челюсти мощные, похожие на клыки, зубы. Это была грубая, примитивная гравюра, сошедшая со страниц тех самых детских страшилок о лесных орках-людоедах, которые он тайком читал при свече, замирая от сладкого ужаса.

Только сейчас не было ни свечи, ни тёплой постели. Был холодный ветер с океана, голое тело и абсолютная, оглушающая реальность этих двоих. Они не рычали. Не бросались. Они смотрели. Их взгляды, тяжёлые и медленные, скользили по нему: с мокрых волос на голове до босых, в песке, ног. В этих взглядах не было злобы. Было непонимание. Глубокое, искреннее, почти оскорбительное в своей простоте. Как будто они увидели не врага или добычу, а необъяснимый природный феномен — скажем, говорящий камень или птицу, плюющуюся водой.

Разум. Элиас уловил его в этой заторможенной, но целенаправленной внимательности. В манере стоять, в тихом, хриплом сопении, которым они обменивались, чуть поворачивая друг к другу массивные головы. Они оценивали. Думали. Пусть и медленно, как двигаются ледники.

Паника, готовая было снова подняться, наткнулась на жёсткий заслон долга. Что-то надо делать. Он не мог стоять голым и мокрым посреди этого немого допроса. Дипломатия Виктора была ему недоступна, а хитрость Тилии — непостижима. Оставалось только прямое действие. Говорить.

Он сделал шаг вперёд, подняв открытые ладони перед собой — универсальный, как он надеялся, жест мира. Песок хрустнул под его ногами. Жёлтые глаза гигантов синхронно опустились к его рукам, затем снова поднялись к лицу.

— Я пришёл с миром, — сказал Элиас, и его собственный голос показался ему тонким и чужим на фоне рокота океана. — Я ищу... проход. Древнее место. Чрево Мира.

Он говорил чётко, медленно, вкладывая в слова всю силу своей воли, пытаясь хотя бы интонацией передать смысл. Гиганты не шелохнулись. Только один, тот, что был левее и чуть массивнее, медленно наклонил голову набок. Каменная щека хрустнула, словно под грузом скалы.

Тишина повисла тяжёлой, влажной тканью. Элиас почувствовал, как капли воды, стекающие по его спине, вдруг стали невыносимо холодными. Его жесты, его слова — всё разбилось о каменную стену их непонимания. Или безразличия. Что, если их разум был слишком иным? Что, если «мир» для них означал что-то совсем другое?

Тогда, отчаявшись, он попробовал то, что всегда было его последним аргументом. Не как дипломата. Как Стража. Он собрал крошечную, точечную искру воли — не для удара, а для демонстрации. На раскрытой ладони, прямо над кожей, воздух дрогнул и вспыхнул сгустком чистого серебристого сияния, размером с монету. Беззвучный, безвредный, но неоспоримо магический сигнал.

Жёлтые глаза обоих гигантов резко сузились. Не со страхом. С интересом. Глубоким, пробудившимся. Тот, что наклонил голову, медленно выпрямился. Его огромная рука, покрытая шершавой, как кора, кожей, поднялась — не для атаки. Палец, толстый, как булава, указал сначала на светящуюся искру, затем — на грудь Элиаса, где должно было биться сердце.

И наконец, он издал звук. Низкий, гортанный, перекатывающийся где-то глубоко в груди, словно два камня трутся друг о друга.

— Гром, — проскрежетал гигант. Слово было чудовищно искажено, но узнаваемо. И оно звучало не как вопрос. Как название.

Элиас понял, что так, безмолвно уставившись друг на друга, они могут простоять до тех пор, пока часы на его руке не истекнут окончательно. Мысль, пришедшая ему в голову, показалась в тот момент гениальной в своей простоте: если слова бессильны, почему бы не показать? Не тратить силы на уязвимую речь, а вбить вопрос напрямую в их сознание, как когда-то Виктор вёл его по лабиринту своего опыта. Он не был мастером ментальных искусств, но для грубой передачи образов — чистых, мощных впечатлений — его воли должно было хватить.

Он сосредоточился, отбросив страх и неловкость. Его взгляд затуманился, обратившись внутрь. И он послал.

Первый образ: Источник. Не Сердце Плоти, которого он не видел, а саму суть энергии — сгусток ослепительного, белого сияния в самом сердце темноты, пульсирующий, как живой родник силы. Он вложил в образ ощущение тяги, цели, желанного конца пути.

Второй образ: Мир. Как он его сам, Элиас, понимал — не эта серая полоска суши, а целое: твёрдая земля под ногами, небо над головой (даже если оно сейчас выглядело как океан), прочная и ясная структура мироздания, нуждающаяся в защите.

Третий образ: Путь. Дорога, уходящая вперёд, через туман и неизвестность. Приглашение. Просьба о направлении.

Он выдохнул, отправляя этот тройной мысле-образ, посыл в сторону гигантов, надеясь увидеть в их глазах понимание, вспышку узнавания.

Вместо этого их каменные лица исказились гримасой первобытного ужаса.

Жёлтые глаза загорелись уже не любопытством, а яростью и болью. Чужое, яркое, насильственное вторжение в их медлительное, тяжёлое сознание было подобно удару молота по натянутой струне. Они восприняли это не как послание, а как атаку. Нарушение. Профанацию их внутреннего мира.

Один из гигантов издал рёв — низкий, дребезжащий звук, от которого по воде пошла рябь. Второй, не медля ни секунды, рванул вперёд. Его огромная ступня обрушилась на песок, поднимая фонтан брызг и гравия. Каменная рука, сжатую в кулак размером с кузнечный молот, понеслась в сторону Элиаса.

Думать было некогда. Рефлексы, отточенные годами тренировок и настоящих боёв, сработали быстрее сознания. Но его оружием была не сталь, а воля и мир вокруг.

Он не стал создавать щит или наносить ответный удар по телу. Это отняло бы слишком много сил. Вместо этого его сознание, отчаянное и цепкое, ухватилось за саму землю под

ногами гигантов. Не просто за песок. За идею песка. За его сыпучую, неустойчивую, податливую природу. Он не приказал. Он договорился, вложив в импульс всю свою оставшуюся мощь и отчаянную убеждённость: Ты — опора. Но сейчас — стань ловушкой. Прими их вес. Удержи.

Пляж дрогнул.

Песок вокруг нападающих гигантов не взметнулся вверх. Он провалился и тут же сомкнулся, как жидкая, но невероятно вязкая трясина. Он обволок их ступни, голени, бёдра, мгновенно затвердевая под давлением их чудовищной тяжести, но не в камень, а в нечто плотное, как бетон. Гиганты зарылись по пояс в мгновенно предавшем их грунте. Первый, сделавший шаг, рухнул вперёд, увязнув по грудь, его мощный удар рассеялся впустую, подняв лишь облако песчаной пыли. Второй, застывший на месте, рвал песок лапами, но лишь глубже погружался в ловушку. Их рёв сменился хриплым, недоуменным воем.

И в тот же миг силы покинули Элиаса. Словно пробку выдернули из самого дна его существования. Колени подкосились. Мир заплыл серой пеленой, звук океана стал далёким, как из-за толстого стекла. Он увидел лишь мельком: двое каменных исполинов, беспомощно заточенных в песчаных колодцах, их горящие яростью глаза, устремлённые на него.

Затем взгляд его упал на собственное запястье. Он не видел цифр. Он чувствовал пустоту.

Его взгляд, мутный и несфокусированный, медленно пополз вниз. Три концентрических круга. Серебристое свечение, вплавленное в кожу.

Самый внешний, широкий обод, что должен был сиять полным, нетронутым светом все четырёхсот дней... был испорчен. Незначительно. Почти незаметно для постороннего глаза. Но для него — словно кричаще.

От самого края, по едва уловимой дуге, ушло сияние. Осталась лишь тусклая, пепельная тень в форме узкого сектора. Очень узкого. Два дня. Всего два дня из четырёхсот. Песчинки в пустыне времени. Но они были первыми. Они были потеряны. Не прожиты, не использованы — именно потеряны. Потрачены на беспомощное падение, на панику, на нелепую попытку договориться с песком и на безвременную тьму истощения.

398 из 400. Цифры отдались в его черепе глухим, металлическим звоном. Огромный запас. Целый год и ещё месяцы впереди. Но счёт был открыт. Тиканье — началось. И эти первые две украденные единицы времени горели на его коже язвой, напоминая, что процесс не остановить. Что завтра будет 397. Послезавтра — 396. Что каждый его вдох, каждый миг неведения, каждое замешательство имеет свою, чётко обозначенную цену, которую безжалостно вычитают из этого серебряного кольца.

Второй круг, сиял нетронутым, полным стодневным запасом. Третий, самый внутренний и ослепительный, хранил в себе последние, драгоценные десять дней — тот самый финальный отсчёт, которого следовало избежать любой ценой.

Он лежал на спине, чувствуя, как холодная тяжесть этих чисел придавливает его к земле вернее, чем собственное истощение. 398 дней. Это много. Это целая жизнь. Но он уже видел, как легко они начинают таять. Океан вечности, в котором он тонул, оказался на поверку мелкой, стремительной рекой, и он уже успел сделать первый глоток ледяной воды.

Время было не фоном. Оно было тюремщиком, стоявшим у его изголовья. И оно только что впервые щёлкнуло замком. Тихим, почти вежливым. Но щелчок этот отозвался в нём гулким эхом пустоты, которая теперь будет лишь расти, день за днём, пожирая серебряный свет, пока от его миссии не останется лишь тонкая, холодная полоска в десять суток — последний рывок, последний шанс.

Он закрыл глаза, чувствуя на внутренних веках не темноту, а этот проклятый, наполовину тронутый пустотой круг. 398. Число-призрак. Число-обманка. Обещание долгого пути, которое могло рассыпаться в пыль за один неверный шаг. Как уже рассыпались два дня.

Тьма нахлынула не как сон, а как обвал. Он не успел даже упасть. Он просто перестал быть в сознании, растворившись в пустоте истощения, оставив своё беззащитное тело на милость пляжа, океана и разъярённых, но скованных стражей этого перевёрнутого мира.

Глава 2

Сознание вернулось не вспышкой, а медленным, тягучим подъёмом со дна тёмного колодца. Первым пришло чувство — равномерное, укачивающее покачивание. Не твёрдая земля. Не песок. Что-то подвижное, живое. Затем — запах. Сырое дерево, смола, солёная ветошь и запах человеческого пота, давно въевшегося в балки.

Элиас открыл глаза, и мир несколько секунд плыл у него перед лицом. Над ним были не серые облака, а потемневшие от времени деревянные стропила, грубо обработанные, массивные. Их удерживали вместе огромные кованые болты с головками размером с его кулак. Между досками потолка просачивался тусклый, рассеянный свет, и с каждым покачиванием в щелях пробегали солнечные зайчики.

Корабль. Мысль прорезала туман. Он на корабле. Но... это был не гигантский остров, увиденный на дне. Это было обычных, хоть и крепких, пропорций судно.

Где орки? Паника, холодная и острая, кольнула под рёбра. Они схватили его. Оттащили. Возможно, собирались съесть или принести в жертву своим каменным богам. Тело напряглось, готовясь к рывку, к борьбе. Он провёл внутреннюю проверку: кроме слабости в конечностях и гула в голове, серьёзных повреждений не было. Силы... магия дремала где-то глубоко, истощённая, но живая, и даже потихоньку восстанавливалась. Надо отбиваться.

Он приподнялся на локтях. Он лежал на грубой, но чистой холщовой подстилке в небольшом отсеке, похожем на лазарет или кладовку. В углу стояла бочка с водой, на полке валялись обрывки веревок и тряпья. И в другом конце — деревянная лестница, ведущая вверх, к свету.

Но она была... нормальной. Высоты, рассчитанной на человека. Не на гиганта.

Сердце заколотилось с новой силой, уже от предчувствия иной, не менее тревожной загадки. Осторожно, прислушиваясь к звукам сверху — к скрипу дерева, к далёким голосам, к шуму ветра в снастях, — он поднялся. Ноги подкосились, но выдержали. Он был по-прежнему гол. Холодный воздух трюма обнимал кожу мурашками.

Поднявшись по лестнице, он остановился у самого края люка, затаив дыхание. Свет был ярче. Звуки — чётче. Он услышал скрип блоков, отрывистые, но человеческие по тембру окрики, шлёпанье босых ног по мокрым доскам.

Он рискнул выглянуть.

Палуба. Узкая, заваленная канатами и рыбацкими сетями. Мачты с потрёпанными парусами. И люди. Полтора десятка мужчин и женщин, одетых в простую, выгоревшую на солнце и пропитанную солью одежду из грубой ткани и кожи. Они работали: один чинил сеть, двое тянули канат, у руля стоял сутулый старик в широкополой шляпе, смотревший вперёд. Это были не орки. Это были моряки. Самые обычные, хоть и суровые на вид, моряки.

И тут один из них, молодой парень, тащивший ящик, случайно поднял голову и увидел его.

Парень замер, рот открылся. Ящик с грохотом упал на палубу. Все головы повернулись в одну точку — к люку, из которого торчала голова абсолютно голого, бледного, дико выглядевшего мужчины с пепельными волосами.

Наступила секунда ошеломлённой тишины, нарушаемая лишь плеском волн о борт. Затем Элиаса накрыла волна такого жгучего, всепоглощающего стыда, что он, не раздумывая, шмыгнул обратно в трюм, как испуганный краб. Сердце колотилось, приливая к щекам жаром. Он, наследник Велисов, страж, пытавшийся спасти мир, стоял перед чужими людьми в своём самом естественном и самом незащитном виде. Это было хуже, чем любая битва.

Прикрыться. Надо хоть что-то надеть. Его взгляд метнулся по углам. Тряпье, верёвки... И тут он увидел её. На полке валялся кусок грубой, толстой ткани, похожий на обрывок старого паруса или плаща. Не думая о красоте, лишь о минимальном приличии, он обмотал её вокруг

бёдер, закрепив узлом на животе. Получилось нечто вроде короткой, нелепой юбки. Но это было лучше, чем ничего.

Собрав остатки достоинства, он снова поднялся на палубу. На этот раз медленно, демонстративно, стараясь выглядеть как можно менее угрожающе.

Люди не напали. Они сгрудились, перешёптываясь, смотря на него с откровенным любопытством, смешанным с суеверной опаской. Он был для них диковиной. Гость из моря, явившийся ниоткуда.

К нему пробился старик. Лицо его было испещрено морщинами, как карта бурь, а глаза, цвета выгоревшей на солнце воды, смотрели пронзительно и без страха. Он что-то сказал. Звуки были гортанными, певучими, с непривычными щелчками и придыханиями. Ничего общего с языком его мира.

— «Кас ведра-шан? Толь фен мор-гашт?» — голос старика был хриплым, но твёрдым. Он сделал широкий жест, охватывающий и море, и небо, явно спрашивая, откуда Элиас взялся.

Элиас покачал головой, подняв руки, показывая, что не понимает.

— Я не понимаю. Я ищу... — он тоже попытался жестами изобразить поиск, движение вглубь земли, но его пантомима, видимо, выглядела ещё более странно.

Диалог глухих продолжался несколько минут. Экипаж наблюдал, некоторые начали посмеиваться. Старик казался скорее озадаченным, чем враждебным. Наконец, он что-то крикнул молодому парню, который первым его заметил. Тот кивнул и скрылся в носовом отсеке.

Через минуту он вернулся, неся в руках маленькую, аккуратную деревянную коробочку. Подошёл к Элиасу и, под одобрителные кивки капитана, открыл её.

Внутри, на подстилке из мха, сидела маленькая, пупырчатая лягушка. Не зелёная, а странного свинцово-серого цвета, с огромными, совершенно чёрными глазами, которые смотрели на Элиаса с философским спокойствием.

Старик указал на лягушку, затем на свой рот, сделал глотательное движение и многозначительно посмотрел на Элиаса. Парень с коробкой протянул её ближе, его жест был не угрожающим, а... ободряющим. Остальные члены экипажа затаили дыхание, наблюдая.

Это безумие, — пронеслось в голове Элиаса. Но что оставалось? Драться с целым экипажем, будучи истощённым и полуголым? Или попытаться понять? Эти люди не выглядели злыми. Традиционалистами — да. Странными — безусловно. Возможно, это был их способ коммуникации. Или испытания.

Он посмотрел на лягушку. Она слабо квакнула.

Он посмотрел на старика. Тот кивнул, его взгляд был твёрдым: «Это единственный путь».

Элиас вздохнул. Он вспомнил отца, который бы назвал это верхом глупости и слабости.

И он взял лягушку.

Она была прохладной и скользкой на ощупь. Он поднёс её ко рту, встретился с её чёрным, бездонным взглядом. Прости, — мысленно сказал он неведомому существу. Затем, как и велели, не разжёвывая, положил её в рот и проглотил.

Ощущение было... странным. Не отвратительным. Лягушка, коснувшись горла, будто растворилась, превратившись в струйку ледяной, мятной свежести. Она потекла вниз по пищеводу, и мир вокруг начал медленно...

...уплывать.

Не в темноту. В нечто иное. Звуки стали приглушёнными, как из-под воды. Фигуры людей поплыли, растеклись размытыми пятнами. Он увидел, как старик протянул к нему руку, его губы сложились в слова, которые Элиас наконец понял, но слишком поздно:

— «Спи, путник из иных вод. Первый язык — язык доверия. Второй придёт во сне...»

Потом палуба ушла из-под ног, и он мягко, как подхваченный волной, погрузился в тёплый, беззвёздный океан забытья. Его последней мыслью было не о времени на запястье, а о вкусе мяты и чёрных глазах, глядевших прямо в его душу.

Элиас очнулся во второй раз от внутреннего пожара. Горло пылало, будто он проглотил не лягушку, а тлеющий уголёк. Голова раскальвалась на тысячу осколков, каждый из которых вибрировал и звенел отдельной, пронзительной нотой. Казалось, череп вот-вот не выдержит и разойдётся по швам, выпустив наружу кипящий хаос мыслей и ощущений.

Он лежал на той же холщовой подстилке, сжавшись в комок. С трудом пересилив тошноту и боль, он поднялся и, шатаясь, добрался до бочки. Зачерпнул воду ладонями и пил жадно, бездумно, пытаясь потушить пожар внутри. Холодная влага принесла минутное облегчение, но следом накатила новая волна — дикий, животный голод, сводивший желудок спазмом. И поверх всего — лихорадочное, неотступное любопытство.

Что это было? Бред на грани потери сознания? Галлюцинация истощённого разума? Или... те слова, тихие и ясные, которые он услышал в последний миг: «Спи, путник из иных вод. Первый язык — язык доверия. Второй придёт во сне...»

Он прислушался к себе. К хаосу в голове. Среди гула и боли там теперь что-то было. Чужие звуки, обрывки чужих смыслов, осевшие на дно сознания, как песок после бури. Они были непонятны, но... присутствовали. Он не знал этого языка. Но он чувствовал его вкус — мятный и горький, как та лягушка.

Собрав волю в кулак, он снова поднялся по лестнице. На палубе был день, но свет казался менее резким. Команда была при деле: кто-то чистил рыбу у борта, кто-то вязал узлы. На него почти не смотрели. Тот самый молодой парень, кивнув ему, как знакомому, продолжил плести сеть. Стыд от голой встречи сменился другим чувством — странной, условной принятости. Ритуал был совершён. Он прошёл некое посвящение.

Его взгляд нашёл старика. Тот стоял у кормы, у штурвала, который сейчас держал другой моряк, и смотрел на линию горизонта, где небо сливалось с неподвижным океаном и небосводом. Элиас направился к нему, босые ноги чувствуя шершавость досок. Его импровизированная юбка из парусины колыхалась на ходу.

Старик повернул голову, не выражая удивления. Его водянистые глаза изучали Элиаса, будто оценивая последствия ритуала.

И тогда Элиас открыл рот. Звук, который он издал, был гортанным, незнакомым его собственному горлу, но он родился из того самого нового ощущения внутри, из мятного послевкусия и боли.

— Горит... голова. И... пусто в животе — проскрипел он. Это не были слова его языка. Это были их слова. Они вышли неуверенно, коряво, но они были понятны.

Старик медленно кивнул, и в уголках его глаз легла сеточка новых морщин — подобие улыбки.

— Горит — значит, приживается. Корни пускает — сказал старик, и его речь Элиас понял. Не полностью, не каждое слово, но смысловые блоки вставали на свои места, как ключ, нащупывающий замок. Голод — это хорошо. Значит, твоя душа хочет наполниться нашим миром. Еду дадим. Но сначала — имя. Я — Харган. Кормчий «Ветреной Сестры». А ты? Тот, кого море выплюнуло голым на песок.

Элиас замер, осознавая чудо и ужас этого момента. Лягушка... была ключом. Языковым симбионтом. Примитивным, но работающим переводчиком, вживлённым прямо в его нервную систему. Он говорил и понимал! Ценой боли и странного голода, но контакт был установлен.

— Я... Элиас — сказал он, осторожно выговаривая своё имя на этом новом языке. Оно звучало чуждо, но было его. Ищу путь. Внутрь. В самое... Чрево Мира.

Харган долго смотрел на него, потом перевёл взгляд на свинцовое «небо-океан».

— Чрево... Да, так некоторые называют. Мы зовём его Каменной Нудой, Разломом Саннара. Ты близко, путник Элиас. Очень близко. Но путь с песков, где мы тебя нашли, вёл только в пасть прибрежным троглодитам. Мы тебя оттуда выцарапали, пока их двое в песке копошились — старик хрипло рассмеялся. — Тебе повезло, что мы рыбу там ловили. А теперь тебе

нужно не вниз, а вверх. К Плато Камнеглот, что висит над нашими головами. И там ищи Кружащие Столбы. Они укажут дорогу внутрь. Но это путь не для голого человека с пустым животом. Сначала еда. Потом — одежда. Потом — советы. «Ветреная Сестра» стоит здесь ещё на день, пока сети чиним.

Элиас слушал, и мир вокруг обретал не только слова, но и структуру. У него появилось направление. Плато. Столбы. И время — один день. Он посмотрел на своё запястье, где первый круг продолжал незаметно, но неумолимо таять. Один день на отдых и подготовку. Это был подарок. И он намерен был им воспользоваться.

— Благодарю, Харган — сказал Элиас, и в его голосе впервые с момента прибытия прозвучала не паника, а твёрдая решимость. Пусть даже выраженная на языке, выученном через съеденную лягушку.

Харган кивнул и что-то крикнул через палубу. Вскоре к ним подошла женщина с обветренным лицом и руками, покрытыми тонкими шрамами от сетей. Она молча оценила Элиаса взглядом, затем жестом велела следовать.

Его привели к небольшой жаровне, тлевшей в железной клетке у грот-мачты. В воздухе витал терпкий, солёный дым. Женщина — её звали Ренна, как позже пояснил Харган, — достала из песка завёрнутый в большие, толстые листья свёрток и развернула его.

Еда была не похожа ни на что, что Элиас пробовал когда-либо.

Первое блюдо напоминало желе, но живое. Полупрозрачные, серо-голубые кубики, колыхавшиеся на плоском камне, служившем тарелкой. Внутри них были видны взвеси мелких, мерцающих искорок. «Око бури», — пояснила Ренна, тыча пальцем. Элиас, поборов брезгливость, взял кубик пальцами. Он был холодным и скользким. Во рту он не растаял, а лопнул, выпустив взрыв вкусов: сначала — чистый, пронзительный вкус океанской глубины и йода, затем — острый, почти электрический укол, заставивший язык задрожать, и наконец — долгое, сладковато-горькое послевкусие, как от полыни и мёда. Энергия, тонкая и странная, разлилась по желудку.

Следом подали запечённую на раскалённых камнях тушку существа, отдалённо похожего на рыбу, но с твёрдым, сегментированным панцирем вместо чешуи и шестью плавниками-шипамии. Мясо было плотным, волокнистым, цвета тёмной меди, и пахло дымом и... орехом. Вкус был насыщенным, почти мясным, но с явными минеральными нотками, будто он ел не просто плоть, а часть самой скалы. Это было «каменное копье», пища для долгого плавания, дарующая силу. Элиас ел жадно, чувствуя, как тепло и сытость медленно, но верно вытесняют леденящую слабость.

Запивали всё это густым, мутным напитком из ферментированных водорослей, кислотатым и шипучим, от которого слегка кружилась голова, но прояснялись мысли.

Сытость принесла не только успокоение телу, но и ясность уму. Голод был не просто физическим — это была жажда приятия этого мира, и теперь она отчасти утолялась. Он сидел на свернутом канате, чувствуя вес пищи внутри и наблюдая за жизнью судна. К нему уже почти не присматривались, лишь изредка перекидывались короткими фразами, которые он теперь мог уловить: «Ест хорошо», «Крепкий, видно», «Камнеглот его ломает».

После еды Харган махнул ему рукой и повёл в свою каюту — тесное помещение под кормой, заваленное морскими картами, свитками из обработанной кожи и странными приборами из хрусталя и меди. Воздух пахло табаком, старостью и солью.

Старик развернул на столе один из свитков. Это была не карта в привычном понимании. На тёмной, промасленной коже был изображен не вид сверху, а вид сбоку, как разрез мира. Внизу, у основания, змеилась тонкая полоска с подписью «Песчаная Кайма» — тот самый пляж, где он очнулся. Над ней нависал огромный, массивный пласт, обозначенный как «Камнеглотское Плато». А ещё выше, почти у края кожи, висели странные, спиралевидные отме-

тины — «Кружащиеся Столбы». От них вглубь плато уходил пунктир, подписанный корявыми значками: «Путь в Чрево».

— Мы здесь — Харган ткнул толстым, обожжённым пальцем в точку у «Песчаной Каймы», рядом с которой был нарисован крошечный кораблик. — Плато — вот оно, над нами. По суше, по склонам, на него не взойти. Скалы там гладкие, как зеркало, и уходят в облака. Да и гравитация на подходах... шалунья. То прижмёт к камню, то вышвырнет в небо. наших кораблей, что ходят по Нижнему Морю — он указал на океан вокруг, — туда не поднимать. Да и не нужно нам туда.

Он посмотрел на Элиаса, и в его взгляде была не жалость, а простая констатация сложной задачи.

— Точного пути не знаю. Никто из моих не бывал на Плато. Те, кто нуждаются в «Камнеглоте», идут другим путём. Через летунов — Харган выдержал паузу, давая Элиасу осознать. «Люди-птицы. Крылатые. Гнездятся в Разломных Столбах, что по краям Плато. Они — единственные, кто может безопасно подняться и спуститься. Они знают тропы в воздухе, невидимые нам. И они... торгуют. Информацией. Проводкой. Иногда — помощью — старик поморщился. «Но язык у них сложный, полный свистов и шелчков. Моя лягушка его не одолеет. Их разум... иной. Они видят мир не по точкам, а по потокам, по ветрам. Договориться с ними — искусство. Опасное — он свернул карту. — Я могу указать, где искать их ближайшую заставу. Но идти к ним, договариваться — это твой путь. И твой риск, путник Элиас. Камнеглот многих проглотил. И летуны не всегда гостеприимны.

Элиас слушал, изучая воображаемую карту в уме. Путь усложнялся, обрастая новыми препятствиями. Но он и не ждал лёгкой дороги. Летуны... это был новый вызов. Новое испытание его воли и умения договариваться — навыка, который он только начал с грехом пополам осваивать.

— Покажите, где заставка — попросил Элиас, и его голос прозвучал твёрдо. Он уже чувствовал в себе силы не только есть чужую еду, но и смотреть в лицо чужим небесам и их крылатым стражам. Сначала — одежда. Потом — дорога.

Элиас переваривал услышанное. Воздушные тропы, крылатые торговцы, зеркальные скалы. Но в голове вертелся другой образ: каменные лица, горящие жёлтым светом ярости в сером свете пляжа.

— Харган... Ты сказал — прибрежные троглодиты. Те, кто был в песке. Кто они? — спросил он, и в его голосе прозвучала не только жажда знания, но и остаток того холодного страха, который он испытал, глядя в их глаза.

Старик откашлялся, потеряв ладонью щетину на щеке. Его взгляд стал отстранённым, будто он вспоминал что-то давнее и неприятное.

— Троглодиты? Дикари Чрева. Первая плоть, первая тень. Так наши старики говорят — начал он, разжигая потухшую трубку. Дым, густой и пряный, заполнил каюту. — Они здесь были всегда. Дольше, чем наши легенды. Живут в прибрежных пещерах, что точат волны под скалами Плато. Едят то, что выбросит море, лишайник с камней, иногда... охотятся. Но не на нас. Мы для них слишком быстры, слишком... жидкие. А они — тяжёлые. Медленные. Каменные внутри и снаружи — Харган сделал паузу, глядя на Элиаса оценивающе. — Ты их спугнул или разозлил чем-то? Они редко выходят на открытый свет, если их не тронуть.

Элиас сжал кулаки, вспоминая вспышки образов, посланных в их сознание.

— Я попытался... поговорить. Без слов. Показать мысли — признался он, чувствуя, как жар стыда снова приливает к лицу.

Харган замер с трубкой на полпути ко рту, затем разразился коротким, сухим смехом, больше похожим на лай.

— А! Так вот в чём дело! Прямиком в каменный разум лезешь! Ну, путник, ты либо очень смелый, либо... очень глупый — он покачал головой. Их мысли — не наши мысли. Их разум...

он как спящий валун. Ты его не разбудишь картинами. Ты его только ударишь. Они чувствуют мир через тяжесть, через давление камня, через соль на губах. Твои яркие образы для них — как удар по натянутой коже, как вспышка света в крошечной тьме пещеры. Это боль для них. И они отвечают на боль единственным способом, который знают — сокрушить источник — старик выпустил кольцо дыма. — С ними не надо говорить. Их надо обходить. Они — часть пейзажа. Как прилив, как скала. Ты не разговариваешь со штормом, ты его переживаешь. Так и с ними. Они — древние стражи порога. Не злые. Просто... другие. И очень, очень обидчивые на всякую умственную мишуру — он усмехнулся. — Судя по тому, что ты здесь, а они в песке — ты их всё же перехитрил. Нашёл общий язык с пляжем. Это уже что-то.

Элиас молчал, переваривая это. Его «гениальный» метод был не просто неудачным — он был варварским, грубым вторжением. Он пытался вести дипломатию огненным факелом в мире, где свет сам по себе был насилием. Урок был горьким, но важным: сила воли не всегда равна силе убеждения. Иногда нужно не давить, а чувствовать. Как он почувствовал дыхание Разлома. Как договорился с песком.

— Значит, я... оскорбил их — тихо сказал он, больше себе, чем Харгану.

— Оскорбил? Нет. Ты их испугал. А испуганный камень — опасная штука. Но теперь ты знаешь. И если снова увидишь их желтые глаза в тени скал — не свети им в голову. Лучше брось кусок солёной рыбы и уйди. Они это поймут. Это их язык: тишина, тяжесть и соль — Харган постучал трубкой о край стола, выбивая пепел. — Забудь о них. Думай о летунах. Их язык сложнее, но они... легче на подъём. В прямом смысле. А теперь иди. Ренна, наверное, нашла для тебя какие-то штаны. Не могу я смотреть на человека в парусиновой юбке, когда речь идёт о полётах к Разломным Столбам. Смешно.

Элиас кивнул, чувствуя странную благодарность к этому суровому старику. Урок был усвоен. Прибрежные троглодиты остались позади — часть пейзажа, часть Чрева. Впереди были летуны. И их язык ему предстояло выучить, не прибегая к помощи съеденных лягушек и не пытаясь проломить их сознание грубой силой.

Глава 3

Рассвет над Нижним Морем был не ярким, а лишь сменой оттенков серого: от густой, чернильной темноты к холодному, свинцовому свету, который не грел, а лишь обнажал бескрайность водной глади над головой. «Ветреная Сестра» стояла на якоре у одинокого каменного зуба, выступавшего из песка. Воздух был наполнен тишиной, нарушаемой лишь плеском волн о борт и скрипом снастей.

Элиас стоял на палубе, чувствуя под босыми ногами шершавость досок. Его взгляд был прикован к горизонту, к той точке, где начинались каменистые пустоши. Внутри всё было сжато в тугой, готовый к броску узел. Ждать больше нельзя.

Харган вышел из каюты, неся сверток из грубой ткани. За ним, держась на почтительном расстоянии, стояли Ренна и еще пара моряков.

— «Походный подарок, путник Элиас» — старик протянул свёрток. Его голос был лишён эмоций, дело было привычное. — Небогатый, но на первое время хватит. Дальше — сам.

Элиас развернул ткань. Внутри лежало:

Одежда: Штаны из плотной, промасленной холстины, грубые на ощупь, но прочные. Поношенная рубаха из такого же материала, с заплаткой на локте. И — самое ценное — плащ-накидка из плотной, водоотталкивающей ткани, похожей на парусину, но более мягкой. Никакой обуви. «На песке и камнях свои ноги надёжнее чужих подмёток», — как сказал бы Харган.

Снаряжение: Небольшой кожаный мешок на сыромятном кожи. Внутри — плоская фляга из выбеленной тыквы, туго перевязанная пробкой, и свёрток в вошёном листе. Элиас развернул его: несколько плиток тёмного, зернистого концентрата из перемолотого «каменного копыя» и лишайника — «дорожный паёк», питательный и отвратительный на вид. И короткий, тяжёлый нож в деревянных ножнах — не оружие, а инструмент.

Карта: Самый ценный дар. Небольшой, тщательно выделанный кусок кожи с теми самыми разрезами и отметинами, которые Харган показывал в каюте. Путь к Разломным Столбам был обозначен пунктиром. Дальше — пустота.

— Больше дать не можем. Сами на месяцы в море уходим — сказала Ренна, её голос был низким и хриплым. — Удачи. И смотри, не рассорься с ветром. Он здесь злопамятный.

Элиас кивнул, коротко и резко. Благодарить на их языке он ещё не научился, да и чувствовал он не благодарность, а сухую, деловую признательность. Эти люди не стали ему друзьями. Они стали ресурсом, одной из немногих точек опоры в этом перевернутом мире. Он быстро, натянул рубаху, перекинул через плечо мешок, плащ оставив сверху. Одежда пахла солью, дымом и чужим потом. Она была чужой. Но она была защитой.

Он встретился взглядом с Харганом. Старый кормчий что-то видел в его глазах — не просьбу, не сомнение, а ту самую стальную решимость, которую он когда-то, возможно, знал в других. Он просто хмыкнул.

— Не оглядывайся. Там, куда ты идёшь, что сзади — не важно — он махнул рукой к сходням, которые уже опустили на песок.

Элиас в последний раз посмотрел на своё запястье. Три круга. Первый только начал темнеть. Четыреста дней. Он почувствовал вес мешка на плече, грубую ткань на коже, холодную рукоять ножа у пояса. Это был его арсенал. Его щит и его реальность.

Он не сказал ни слова. Развернулся и сошёл на песок. Сходни заскрипели, поднявшись за его спиной. Он не обернулся. Он сделал первый шаг вглубь серой, незнакомой земли, оставляя за спиной шум прибоя и чужие жизни, уходящие в своё плавание. Его путь начался здесь, с этого клочка песка под висящим океаном, с груза на плечах и тикающих часов на запястье. Время пошло.

Песок под ногами сменился щебнем, затем — твёрдой, потрескавшейся глиной, испещрённой сетью неглубоких, сырых оврагов. Воздух потерял морскую свежесть, наполнившись запахом пыли, влажного камня и чего-то затхлого, древнего. Небо-океан по-прежнему висело неподвижным свинцовым зеркалом, но теперь его отсвет лежал на земле холодными, резкими бликами.

Элиас шёл, сверяясь с грубыми зарубками на карте Харгана и с внутренним компасом своей воли. Его тело, одетое в просмоленную холстину и грубые штаны, уже адаптировалось к ритму пути. Но его разум был прикован к другому ритму — тихому, неумолимому исчезновению серебристого сияния на запястье. Первый, самый широкий круг «Часов Созвучия» начал терять свет у края. Это был не стремительный отлив, а медленное, почти неуловимое усыхание, которое он ловил краем глаза каждый раз, когда поднимал руку, чтобы отпить воды или вытереть пот. Каждый шаг вперёд стоил ему крупницы вечности.

В сумерках первого дня на пустошах он впервые их увидел. Движение на периферии зрения, среди валунов, окрашенных в цвет пепла и сумерек. Он замер. Существа были невысокими, коренастыми, с кожей, похожей на потрескавшуюся глину или влажный сланец. Они не нападали. Не подавали звуков. Они просто наблюдали. Несколько пар тусклых, почти неотличимых от камня глаз следили за ним, затем их обладатели растворялись в рельефе, словно тени, отбрасываемые облаком.

Вспомнив слова Харгана о «троглодитах» и их языке, Элиас, стиснув зубы, отломил кусок вяленого «каменного копья» и положил его на плоский камень у тропы, как подать нищему. Жертва не пищи — времени. Драгоценного, невосполнимого времени, которое могло бы стать ещё одним шагом к цели.

Он отошёл, разбил лагерь в тесной расщелине, где спину защищал холодный камень. Но стены не могли защитить от ощущения. От тяжести взглядов, невидимых, но осязаемых, как давление перед грозой. Он сидел, прислонившись к скале, и пытался не смотреть в темноту. Но слух, обострённый паранойей, предавал его.

Шорох. Едва уловимый, будто камешек скатился под чьей-то осторожной ступнёй. Где-то справа. Элиас замер, дыхание затаил. В ушах застучала кровь. Ничего. Просто ветер катит щебень.

Прошло десять медленных ударов сердца.

Скребущий звук. Как будто что-то шершавое провели по камню. Ближе. Прямо за поворотом расщелины. Его рука непроизвольно сжалась в кулак. Магия, слабая и дрожащая, забилась в кончиках пальцев, готовая к выбросу. Он силой воли заставил её утихнуть. Не провоцировать. Харган говорил — не провоцировать.

Он закрыл глаза, пытаясь медитировать, как Виктор в своей мастерской. Но вместо покоя перед внутренним взором вставали часы. Чёткие, неумолимые. Он видел, как за эти секунды ожидания, за эту минуту напряжения, по краю первого круга ползёт невидимая червоточина, съедая ещё крохотную частицу сияния. Каждый миг бездействия был кражей.

Тихий, влажный звук. Как будто кто-то тяжёлый и медленный переступил с ноги на ногу в сыром песке. Теперь слева. Их было несколько. Они окружали.

Ярость, горячая и беспомощная, подкатила к горлу. Он не боялся боя. Он боялся этого. Неопределённости. Томительного, унижительного ожидания в темноте, когда каждый нерв натянут до предела, а враг не показывается. Это была пытка для его прямолинейной натуры. Лучше уж открытое нападение — тогда можно биться, драться, делать что-то. А не сидеть, как мышь в западне, прислушиваясь к шорохам.

«Идиоты. Каменные идиоты, — мысленно рычал он. — Возьмите еду и уйдите. Или нападите. Но не тяните!»

Часы тикали. Он почти физически чувствовал, как время, которое он мог бы потратить на сон для восстановления сил, на планирование завтрашнего перехода, утекает сквозь пальцы, впитывается в равнодушную темноту пустошей. Это было невыносимо.

Он провёл так всю ночь. В странном, лихорадочном состоянии между дремой и тревожной бдительностью. Тело немело от неподвижности и холода, а ум металился между гневом и расчётом. Шорохи то приближались, то отдалялись, будто испытывая его на прочность. Он ни разу не увидел их ясно — только мелькающие тени, чуть более густые, чем мрак, да редкие вспышки тусклого отблеска в предполагаемых глазах.

Когда серое, безрадостное утро наконец размыло очертания ночи, он вылез из расщелины, одеревеневший и с щемящей головной болью от недосыпа. Его взгляд сразу устремился к камню.

Приманка исчезла.

На песке не осталось и крошки. Он обошёл камень — нет следов, ничего. Чисто. Как будто еда испарилась или была съедена с противоестественной аккуратностью.

Он вздохнул, и в груди расправилась тугая пружина страха. Облегчение. Они приняли дар. Они ушли. Контакт, какой ни есть, состоялся. Но следом, как ядовитый дымок, поднялось другое чувство. Он посмотрел на восток, где над неподвижным океаном-небосводом бледнела полоска. Потом на своё запястье. И облегчение сменилось горьким, едким осадком. Целая ночь. Двенадцать долгих часов. Он мог пройти за это время километры. Он мог отдохнуть по-настоящему в безопасном месте. А он просидел в расщелине, затаившись, как преступник, в холодной щели, слушая шорохи. Отдал кусок своей еды. И всё ради чего? Ради того, чтобы каменные молчуны просто... ушли.

Он не приобрёл союзников. Не получил информации. Он лишь купил себе ночь без нападения. И заплатил за это самую высокую цену, которая у него была. Время текло. А он, Элиас Велис, страж, носитель Незыблемой Воли, всю ночь простоял на месте, боясь собственной тени и шороха камней. Позор прокрался за яростью, холодный и липкий. Он резко встряхнул головой, сгоняя оцепенение. Нет. Нельзя так. Это был вынужденный тактический расход. Не более того.

Но когда он закинул на плечо свой скудный рюкзак и сделал первый шаг навстречу новому дню, его спина была нереально прямой, а взгляд — жёстким, как кремь. Он заплатил свою дань тишине и терпению. Больше — ни секунды. Следующее препятствие встретит не подношением, а клинком. Времени на дипломатию с камнями у него не осталось.

Так он шел изо дня в день. Ландшафт становился всё более негостеприимным. Каменистые осыпи сменялись зонами, где из-под земли с шипением вырывались струи пара, а воздух дрожал от жара невидимых гейзеров. Дышать стало тяжелее, видимость сократилась до сотни шагов в молочно-белой мгле.

«Серые» — как он мысленно их назвал — вернулись. Теперь их было больше. Они не скрывались. Они занимали позиции: сидели на гребнях оврагов, стояли у единственных удобных спусков, словно безмолвные часовые. Их намерения оставались загадкой. Они не угрожали. Они препятствовали.

Элиас попытался жестами, уже более осторожными, чем с троглодитами, показать, что он просто идёт дальше. Он рисовал в воздухе линию, указывал вперёд, на своё сердце, затем вдаль. Каменные лица оставались бесстрастными. Они блокировали удобный спуск в широкий овраг, по дну которого, судя по карте, должен был пролегать самый прямой путь.

Ярость, кислая и горячая, поднялась у него в горле. Он посмотрел на часы. Сектор пустоты вырос, стал заметным, обидным пятном на серебре. Полдня. Полдня на поиск обхода, на опасный спуск по скользкому, почти вертикальному откосу, где каждый неверный шаг грозил переломом. Сорвавшись вниз, он в ярости ударил кулаком по скале, ощущая, как боль

пронзает костяшки. Они не враги. Но они — препятствие. А долг Стража не терпел препятствий.

Мысль созрела мгновенно, чёрная и простая: устранить. Не договариваться, не обходить. Устранить, как устраняют сломанный замок на двери, за которой горят его близкие. Логика была железной: если они — часть ландшафта, мешающая движению, то ландшафт нужно изменить.

Он вспомнил, как раздвинул воду у берега. Принцип тот же: воля, направленная не на уничтожение, а на грубое, физическое смещение материи. Только здесь материя была твёрже.

Элиас вышел на открытое место перед заслоном из трёх «серых», стоявших у валуна. Он не стал собирать тонкий «Удар Разрушения». Вместо этого он вобрал в себя ощущение того пляжа, сыпучего и податливого, и перенёс его сюда, на каменистую почву. Он представил не воду, а саму землю под ногами существ — плотный слой щебня и утрамбованной глины.

И с силой, от которой загудели виски, он толкнул.

Не в них. В землю под ними.

Почва вздыбилась. Не взрывом, а медленным, противоестественным движением, как будто два невидимых гигантских плуга сошлись под углом. Два грубых земляных вала, высотой по пояс, с грохотом и скрежетом выросли из-под камней и ринулись навстречу друг другу, чтобы сомкнуться перед грудью существ, грубо отесняя их в стороны, прочь с тропы.

Это не было атакой. Это было бесцеремонное отодвигание, как отшвыривают мешающий стул. Элиас видел, как каменные лица исказились. Не яростью сначала, а чем-то более глубинным: оскорблённым недоумением. Их ритуал молчаливого наблюдения, их тактика давления были грубы, но они следовали своей внутренней логике. А это... это было варварство. Профанация самого их взаимодействия с миром. Их не атаковали — их игнорировали, словно они были не разумными стражами, а случайным мусором на пути.

Один из «серых», тот, что был посередине, издал первый за всё время звук — низкое, каменное урчание, грубое и угрожающее. Оскорбление переплавилось в ярость. Их жёлтые глаза, до того тусклые, вспыхнули, как серные огоньки. Они не просто отступили под натиском земли — они рванулись вперёд, сквозь осыпающуюся породу, уже не блокировать, а калечить.

И Элиас принял бой. Не с облегчением, а с холодной, ясной решимостью. Наконец-то. Теперь всё просто. Теперь есть цель, которую можно разбить.

Он встретил первого, прорвавшегося сквозь пыль, не уклонением, а прямым силовым ударом в грудь. Он не тратил силы на сложные конструкции. Каждый удар его кулака или ребра ладони был обёрнут в сгусток чистой кинетической энергии, вложенной воли. Щёлк! — звук был похож на лопающийся камень. Существо отлетело, треснувшая каменная кожа осыпалась, как штукатурка.

Но их было трое. А потом из-за валунов вышли ещё двое. Пятеро. Они наступали искусно, но неумолимо, принимая удары, хватаясь за него тяжёлыми, цепкими руками, пытаясь задавить массой, втянуть в близкую борьбу, где их каменная сила возьмёт верх.

Бой растянулся. Минуты слились в часы. Элиас двигался, парировал, бил. Его мир сузился до круга в несколько метров: пыль, кровь на его костяшках, немые, ожесточённые лица «серых», свист собственного дыхания. Каждый блок силовым полем стоил ему капли энергии. Каждый удар, проламывающий каменную плоть, — ещё одной капли. Он чувствовал, как его внутренний резервуар, и так неполный после портала и ночных бдений, мелеет. Но он не оставался. Ярость была его топливом. Ярость на них, на этот мир, на тикающие часы, на собственное бессилие говорить на их проклятом языке. Он вкладывал в каждый удар крупицу этого пылающего стыда, и от этого удары становились только жёстче.

Он не считал поверженных. Он просто устранял препятствия. Одно за другим. Когда один, с раздробленным плечом, пытался вцепиться ему в ногу, Элиас, не раздумывая, создал

микрополе «Импульса Силы» прямо под его стопой и резко дёрнул вверх. Существо грузно взмыло в воздух и рухнуло на камни с глухим, окончательным стуком.

Через четыре часа всё кончилось. Тишина, густая и давящая, снова опустилась на пустошь. Элиас стоял, опираясь руками о колени, его тело дрожало от истощения и выброса адреналина. Вокруг, в причудливых, неестественных позах, лежали неподвижные каменные тела. Ни стонов, ни хрипов. Только тишина.

Он поднял голову. Проход был свободен. Препятствие устранено.

Он посмотрел на своё запястье. Он выиграл полдня на прямом пути. Но потратил четыре часа ярости и драгоценной, плохо восполняемой здесь магической силы. В его груди не было торжества. Была лишь пустота, пахнущая пылью и кровью, и горькое послевкусие от осознания простой истины: он мог говорить с камнями только на одном языке. Языке силы. И каждый такой разговор делал его беднее.

Он вошёл в зону «Шепчущих столбов», и мир перевернулся — но не в пространстве, а в ощущениях. После унылой, высасывающей силы пустоши, это место обрушилось на него гулом. Не просто шумом ветра, а многоголосым, живым стоном, вырывающимся из тысяч расщелин в высоких, узких скалах-осколках. Воздух вибрировал, наполненный низкими басовитыми нотами и пронзительными, почти свистящими обертонами. Это была не просто акустика — это был ритм, пульсация самого места.

И тут он это почувствовал.

Не сразу. Сначала — физическое облегчение. Тяжесть в конечностях, та постоянная усталость, что копилась со дня прибытия, будто начала таять. Мысли, затуманенные яростью и расчётом, внезапно прояснились, стали острее. Потом он ощутил покалывание на коже, не от холода, а словно от лёгкого, невидимого тока. Он инстинктивно сделал вдох, и не только лёгкие наполнились воздухом. Что-то глубже, в самом ядре его существа, там, где дремала истощённая магическая сила, встрепенулось.

Элиас остановился, закрыв глаза, отбросив на мгновение бдительность. Он сконцентрировался на внутреннем резервуаре, опустошённом боем и долгим путём. И он увидел — нет, почувствовал — как по его магическим каналам, обычно заполняющимся мучительно медленно, словно капающая смола, теперь течёт тонкий, но осязаемый ручей. Энергия не просто возвращалась. Она притягивалась, всасывалась самой его уставшей плотью из этого гудящего воздуха, из этой вибрирующей земли.

Он открыл глаза, и взгляд его стал аналитическим, почти как у Тилии. Эти столбы... они были не просто камнями. Они были резонаторами. Гигантскими, естественными камертонами, настроенными на частоту этого мира. Ветер, проходя сквозь них, не просто выл — он заряжал пространство между ними сырой, неоформленной магической силой, разлитой в самой материи Чрева. Здесь, в этом лабиринте, она была плотнее, доступнее. Это место было аномалией. Оазисом силы в магической пустыне.

Край губ Элиаса дрогнул в подобии улыбки. Это была не радость, а жёсткое, стратегическое удовлетворение. Здесь он мог восстанавливаться. Здесь он мог позволить себе тратить силу чуть более свободно. Он тут же проверил на практике: создал простейший силовой барьер — не для защиты, а просто так. Энергия послушно пришла, и барьер возник быстрее, устойчивее, а ощущение опустошения после его формирования было в разы слабее, чем раньше.

Но вместе с облегчением пришло и холодное понимание. Если он чувствует это, то и они — чувствуют. «Серые», дети этого камня, плоть от плоти этой резонирующей земли. В таком месте они должны быть сильнее, быстрее, более навязчивы. Этот лабиринт был не просто их домом. Это была их крепость. И войдя сюда, он не только нашёл источник сил. Он загнал себя в самое сердце их территории, где каждый шорох эха, каждый стон ветра работал на них.

Наполненный новой, тревожной энергией, Элиас двинулся вглубь гудящего леса, уже зная, что часы отсчитывают не только дни, но и минуты до неизбежной, новой схватки. И на этот раз противник будет черпать силы из того же источника, что и он.

И схватка пришла.

Теперь они не просто наблюдали и блокировали. Они действовали. Небольшой камень, уроненный сверху, едва не угодил ему в голову. Шорох гравия заставлял оборачиваться на пустоту. Они появлялись впереди на узкой тропе, заставляя его останавливаться, и исчезали, стоило ему сделать угрожающий шаг. Это была тактика не нападения, а изматывания. Целенаправленного, методичного замедления.

Для Элиаса это было хуже открытой битвы. Это был саботаж. Кража самого ценного его ресурса — времени. Его терпение, и так висевшее на волоске, лопнуло, когда он увидел, как трое «серых» устроились у огромного валуна, полностью перекрывавшего узкий проход между двумя столбами — единственный видимый путь вперёд.

Решение созрело мгновенно, холодное и ясное. Он не стал атаковать существ. Он атаковал препятствие.

Собрав волю в тугой, раскалённый узел, он нащупал взглядом и чутьём невидимую трещину внутри монолита. Не грубый силовой удар, а «Удар Разрушения Резонанса» — тончайшее лезвие силы, введённое в частоту самого камня. Он выпустил его.

Тишину лабиринта разорвал оглушительный хруст, похожий на ломающиеся кости гиганта. Валун не взорвался — он рассыпался, рассыпался на сотни ровных, острых обломков, которые с грохотом посыпались на землю. Гул от удара покотился между столбами, вызывая камнепады и усиливая вой ветра.

«Серые», сидевшие у камня, отпрянули. В их каменных глазах, впервые за всё время, вспыхнула эмоция. Не страх. Глубокое, немое потрясение, смешанное с чем-то вроде священного ужаса. Они смотрели не на него, а на грудь щебня, как на осквернённую святыню. Затем, не издав ни звука, они растворились среди скал.

Элиас, тяжело дыша от затраченной энергии, с горьким торжеством прошёл сквозь дымящиеся обломки. Он выиграл время. Но сердце его бешено колотилось не от победы, а от предчувствия. Он нарушил тишину этого места. Он ответил на таинственное давление грубой силой. И посеял в каменной тишине семя бури.

Воздух стал разрежённым и холодным. Гигантские Разломные Столбы, его цель, теперь вздымались перед ним почти вертикальной стеной, их вершины терялись в низкой облачности. Ветер свистел на новых, пронзительных нотах.

«Серые» вернулись. Но теперь они не были безмолвными тенями. Их было много — десятки, может, сотни. Они шли по флангам, держа дистанцию, но их движение было целенаправленным. Они больше не блокировали и не замедляли. Они вели. Направляли его по определённому маршруту, к подножию Столбов.

Элиас понял ловушку слишком поздно, когда оказался в узком каньоне — глубокой расщелине между двумя скальными исполинами. Сверху нависали хрупкие, похожие на соты, карнизы. Выходы спереди и сзади внезапно заполнились плотными рядами каменных фигур. Они не вошли в каньон. Они встали у входа и выхода, замкнув его.

Глава 4

И тогда началось нечто новое.

Те из «серых», что стояли на возвышениях по краям каньона, достали продолговатые, тёмные камни особой формы и, словно по незримому сигналу, начали бить ими о скалы. Не хаотично, а в чётком, мерном ритме. Тук. Тук-тук. Ту-тук.

Низкочастотная вибрация, не звук, а ощущение, поползла по камню, вверх по ногам, в живот, в самые кости. Это был их язык. Не слов, а состояний. Язык обрушения.

Фаза первая: Вибрация. Скальные стены каньона загудели, запели жутковатым хором. С них посыпалась каменная крошка, затем мелкие, а потом и более крупные обломки. Элиас инстинктивно пригнулся, попытался создать силовой купол над головой. Но вибрация была повсюду — она проходила сквозь магическую защиту, сотрясая его концентрацию, заставляя зубы стучать друг о друге. Он чувствовал, как его собственная воля, его опора, начинает дрожать в такт этому древнему, каменному сердцебиению.

Фаза вторая: Обвал. С оглушительным треском, похожим на выстрел, главный карниз над ним дал продольную трещину. Гигантская глыба, размером с дом, качнулась, осыпая его градом бульжников. Пыль взметнулась столбом, застилая свет. У него не было времени на раздумья. Бежать назад — означало потерять недели пути, признать поражение. Прорываться вперёд — через падающую гору.

«ПЕРЕЖИДАТЬ — РАСТОЧИТЕЛЬСТВО!» — мысль проревела в его сознании, заглушая грохот и собственный страх. Это был крик его долга, его ярости, его отчаяния перед тикающими часами.

И тогда он отказался от защиты. От логики. От всего, чему его учили, кроме одного: воли.

Он не стал укреплять щит. Он не стал пытаться разрушить падающую глыбу. Он собрал в кулак всю свою ярость, весь стыд за потерянное время, весь страх за мать и сестру, всю стальную решимость Стража. И вогнал это в пространство перед собой не как разрушительный импульс, а как его полную противоположность.

«Импульс Незыблемости».

Это был не щит и не удар. Это была грубая, насильственная инъекция абсолютного покоя в самую сердцевину вибрирующего хаоса. На мгновение — тишина. Настоящая, гробовая тишина, в которой замер звук, остановилась пыль в воздухе, а падающая глыба зависла, словно ввязнувшая в смоле. Вибрирующий резонанс был грубо, болезненно подавлен.

Элиас двинулся. Сквозь застывшую бурю, сквозь облако замершей пыли. Из гто носа хлестала кровь от чудовищного напряжения, в глазах стоял кровавый туман. Он видел, как «серые» у входа в каньон замерли в ошеломлении, их ритм сбился. Он прошёл мимо них, и когда миновал первого, тот сделал неуверенный шаг навстречу. Элиас, не останавливаясь, нанёс удар. Не магией. Просто кулаком, обёрнутым в остатки его воли, в последний стусок непокорности. Удар прозвучал глухо, как удар молота по сырому мясу. Существо рухнуло без звука.

Он вышел из каньона, спотыкаясь, на чистый воздух у подножия исполинских Столбов. Сзади, в пыльном ущелье, повисла тишина, а затем послышался отдалённый, продолжительный грохот — глыба наконец рухнула, хороня под собой проход. «Серые» не преследовали.

Элиас упал на колени, давясь кашлем, вытирая кровь с лица. Он дышал, и каждый вдох обжигал. Он поднял дрожащую руку, глядя на запястье.

Первый круг «Часов Созвучия» был на четверть пуст. Чисто, чётко, беспощадно. Почти сто дней... Он слишком медленно продвигается.

Он поднял голову, глядя вверх, по почти отвесной стене скалы, уходящей в облака. Где-то там были летуны. Его следующая цель. Его следующее испытание.

Победа? Он заставил каменный народ отступить. Он выучил их язык — язык грубой силы и безмолвного резонанса. Но глядя на опустевшие почти наполовину первый круг часов и чувствуя леденящую пустоту истощения внутри, он не чувствовал победителя. Он чувствовал себя инструментом, который, пытаясь выточить тонкую деталь, просто разбил пол-мастерской. Мир Чрева требовал тонкости, а он всё ещё был только молотом, и каждый удар этого молота стоил ему частицы вечности.

Он стоял, опираясь на колено, пытаясь перевести дух. Вокруг царила гробовая тишина, нарушаемая лишь отдалённым гулом обвала в каньоне. Пыль медленно оседала, и сквозь её пелену он увидел движение.

Из-за груды обломков, из тени скал, вышли они. Не толпой. Поодиночке. «Серые». Те, что не участвовали в засаде, а лишь наблюдали с высот. Они приближались медленно, без прежней угрозы в пластике каменных тел. Их жёлтые глаза были прикованы к нему, но в них не было ни ненависти, ни страха.

Один из них, чуть крупнее других, с кожей, испещрённой глубокими, как шрамы, трещинами, отделился от группы и сделал несколько тяжёлых шагов вперёд. Элиас напрягся, готовый к новой атаке, но силы уже не было даже на простейший барьер.

Существо остановилось в двух шагах. Его каменная грудь тяжело вздымалась. Затем, с тихим скрежетом, похожим на перемещение плит, оно опустилось на одно колено. Голова, массивная и тяжёлая, склонилась.

За ним, словно по незримому сигналу, опустились на колени остальные. Десять. Двадцать. Тридцать пар тускло горящих глаз смотрели на него снизу вверх. В их молчании была не покорность рабов, а нечто иное. Признание.

Элиас застыл, не понимая. Его мозг, затуманенный болью и усталостью, отказывался обрабатывать эту картину.

Тогда тот, что был ближе всех, поднял руку. Не для удара. Он приложил грубую, шершавую ладонь к своему лбу, а затем медленно протянул её к Элиасу, раскрыв пальцы. На ладони не было ничего, кроме пыли и мелких камешков.

И в тот миг, без всякого предупреждения, в сознание Элиаса ворвалось.

Не слово. Не звук. Образ. Чистый, мощный, неотфильтрованный.

Он видел каньон. Тот самый. Но не сегодня. Столетия, тысячелетия назад. Скальные карнизы были целыми. В центре ущелья стоял не он, а другое существо — один из «серых», но отмеченный особым, сложным узором на коже. Вокруг, на уступах, рядами сидели сотни каменных существ. Они били резонансными камнями, создавая тот самый гул. Но это не было атакой. Это был ритуал. Мощный, направленный резонанс не разрушал скалу, а... просил. И скала отвечала: из стены медленно, как рождаясь, выдвигался кристалл цвета тёмной крови, пульсирующий внутренним светом. Существо в центре протягивало к нему руки, принимая эту энергию, этот дар мира, чтобы... чтобы вести. Чтобы быть связующим звеном между народом камня и сердцем Чрева. Это было священное жертвоприношение, где жертвой была энергия и внимание мира, а получателем — избранный.

Образ сменился.

Теперь он видел, как такой же резонанс, но искажённый, осквернённый его грубым «Импульсом Незыблемости», рвёт хрупкую ткань ритуала. Как кристалл не рождается, а старый, почти иссякший, трескается и гаснет. Как избранное существо, лишённое дара, впадает в оцепенение, становясь просто камнем. Он видел ужас и скорбь в глазах наблюдателей. Их вековой цикл, их связь с миром — была надругательски разорвана. Им.

И последний образ.

Он видел себя. Не глазами человека, а глазами камня. Как грубую, неотесанную, но невероятно крепкую силу. Как клин, вбитый в трещину. Как молот, который не строит, но может разбить оковы. Они не видели в нём мудреца или вождя. Они видели в нём остановившего

падение. Того, кто смог грубой силой воли заморозить священный обвал — не их, а тот, что должен был поглотить их последнего «избранного», чей ритуал провалился. Его сила, дикая и чуждая, случайно исполнила роль священного стража. И в их простой, прямой логике: тот, кто сильнее, кто остановил гибель, кто выстоял против их объединённой песни — тот и есть новая опора. Новый фокус их коллективной воли. Пусть чужой. Пусть непонимающий. Но — сильный.

Поток образов иссяк так же внезапно, как и начался. Элиас пошатнулся, едва не упав от умственного удара. Он стоял, глядя на склонившиеся каменные спины, и осознание, холодное и тяжёлое, как глыба, обрушилось на него.

Они выбрали его. Не из любви или уважения. Из необходимости. Из прагматизма выживания. Он, Элиас Велис, стал для каменного народа тем, кем был для своей семьи — щитом. Только теперь щитом для целого племени молчаливых, каменных существ, чьи ритуалы он осквернил, чей язык едва начал понимать.

Он посмотрел на свои руки, ещё в крови и пыли. Его воля, та самая Незыблемая Воля, что должна была спасти его мир, только что была коронована в мире чуждом. Он мог теперь приказать. Он мог повернуть этот народ, заставить их рыть туннели, нести его, сокрушать врагов. Его слово, подкреплённое этой странной, переданной через образы связью, стало бы для них законом.

И это было так же ужасно, как и поражение. Потому что это была не победа. Это была ответственность. Новые узы. Новый долг, нависающий над главным, как ещё одна гора на его плечах. И часы на запястье продолжали тикать, напоминая, что у него нет времени ни на эту власть, ни на этих подданных. У него есть только Путь.

Он медленно выпрямился. Смотрел на склонившиеся головы, на этот безмолвный каменный двор. В его груди не было ни гордости, ни тепла. Была только ледяная, всепоглощающая ясность.

«Хорошо, — подумал он, и мысль эта была обращена не к ним, а к самому себе, к своей судьбе. — Значит, так».

Он не потратил ни секунды на раздумья о власти или её смысле. Перед ним был нарушенный порядок, и он, по воле случая или собственного упрямства, стал его частью. А долг, любой долг, подлежал исполнению. Если эти существа видели в нем того, кто должен был восстановить их связь с миром, то он восстановит. Но не для того, чтобы править. Для того, чтобы освободиться. Чтобы снять с себя эти новые, незванные узы и продолжить свой путь.

Собрав остатки силы — ту самую, что начала было медленно возвращаться в гуле столбов — он разогнал дрожь в ногах и направился обратно, к черному зеву каньона. «Серые» молча расступились, образовав коридор. Их жёлтые глаза провожали его, полные немого ожидания.

У входа в ущелье он остановился. Воздух здесь всё ещё был густ от пыли и вибрировал отголосками недавнего хаоса. Он смотрел на груды обломков, на треснувшую стену, где должен был родиться кристалл. Он не знал их песен. Не чувствовал тонких резонансов камня. У него было только одно: грубая, прямолинейная воля, та самая, что уже раз за разом проламывала реальность.

«Раз уж я молот, — подумал он с горькой иронией, — буду бить, пока не выбью нужную форму.»

Он встал на то место, где в видении стоял их избранный. Закрыв глаза, отсекая внешний мир. Он не пытался просить или взывать. Он вспомнил увиденный образ: пульсирующий кристалл, рождающийся из скалы. Не его цвет или свет, а саму суть — сгусток энергии Чрева, концентрированную волю камня. Он представил его не как дар, а как необходимость. Как щит для этого народа. Как ту самую опору, которой им сейчас не хватало.

А затем он вложил в эту мысль всю свою волю. Не изящно, не тонко. Как кузнец, вгоняющий раскалённое железо в наковальню. Он собрал остатки своей магической силы, смешал

их с яростью, со стыдом за потраченное время, с отчаянием человека, у которого нет выбора, кроме как идти вперёд. И выпустил этот сгусток не в воздух, а внутрь скалы перед собой. В самую сердцевину трещины.

Это не было песней. Это был приказ, высеченный силой.

Скала ответила не мелодией, а стоном. Глухим, болезненным, будто её что-то ломали изнутри. Камень вокруг трещины затрещал, засветился тусклым, багровым свечением, будто раскалённый добела металл под слоем сажи. Из разлома, с хрустом и скрежетом, стал медленно выпирать нарост. Не идеальный, не сияющий кристалл из мысле образов транслированных «Серым». Это был уродливый, корявый сгусток тёмного, почти чёрного камня, испещрённый прожилками тусклого красного света. Он пульсировал неровно, тяжело, как больное сердце. Это был кристалл, рождённый не гармонией, а насильственным, грубым усилием чужой воли. Пародия на святыню. Но в нём была сила. Грубая, чуждая, но реальная.

Элиас, шатаясь, протянул руку. Его пальцы обхватили тяжёлый, тёплый камень. Он вырвал его из стены. Прикосновение было похоже на удар током — по его руке пробежала волна чужой, минеральной энергии, тяжёлой и немой.

Он повернулся. Его взгляд нашёл того самого «серого» с шрамами, того, что передал ему видение. Существо всё ещё стояло на колене, его каменное лицо было обращено к нему.

Элиас подошёл и, не говоря ни слова, протянул ему кристалл. Не вручил. Всучил. Тяжёлым, решительным жестом, вкладывая в этот акт весь смысл:

«Вот ваш центр. Ваша опора. Теперь он ваш. А мой путь — лежит дальше.»

«Серый» медленно поднял свои огромные ладони и принял дар. В момент, когда его пальцы сомкнулись вокруг кристалла, тусклый свет внутри него вспыхнул чуть ярче, на миг синхронизировавшись с мерцанием жёлтых глаз. По рядам других существ прошёл тихий, подобный шелесту камнепада, вздох.

Элиас почувствовал, как последняя капля сил покидает его. Связь, натянутая между ним и каменным народом, ослабела, перетекая в этот уродливый, насильно созданный кристалл. Его миссия здесь была завершена. Цена — полное опустошение.

Он больше не мог стоять. Мир поплыл перед глазами. Последнее, что он увидел, прежде чем тьма поглотила сознание, — это десятки склонённых голов и тлеющий красный свет в руках их нового старого вожака. Он не победил. Он не приобрёл слуг. Он починил то, что сломал, и купил себе свободу. И заплатил за это последним, что у него оставалось.

Его тело беззвучно рухнуло на холодный камень у подножия Разломных Столбов, пока над ним, в пронизанном ветрами воздухе, мелькали стремительные, наблюдающие тени.

Сознание вернулось к Элиасу не резко, а медленным, тягучим подъёмом со дна колодца, высланного ватой и свинцом. Первым пришло ощущение тяжести — не в конечностях, а повсюду, как будто его тело само превратилось в камень. Затем — запах. Не только пыли и озона, но и чего-то влажного, земляного, и слабый, едва уловимый аромат вяленой рыбы.

Он открыл глаза. Над ним было не серое небо, а потолок из нависающего тёмного сланца. Он лежал в небольшом гроте у самого подножия Столба. И он был не один.

По периметру грота, неподвижные, как изваяния, сидели «Серые». Шесть, может, семь существ. Они не спали. Их жёлтые глаза, прикрытые каменными веками, были прищурены, но он чувствовал на себе их полное, бдительное внимание. Они не охраняли его как пленника. Они стояли на страже.

Рядом, на плоском камне, аккуратно, почти с церемониальной точностью, были разложены дары. Две кожаных фляги, с каким-то питьем. Несколько продолговатых плиток того самого концентрата из перемолотого «каменного копья». И даже тушка небольшого, чешуйчатого существа, уже очищенная и готовая к употреблению. Всё было чисто, ухоженно, поднесено с простой, не требующей благодарности, щедростью.

Как только он пошевелился, приподнявшись на локте, один из стражей у входа мгновенно встал. Их взгляды встретились. Ни страха, ни угрозы — лишь тихое, внимательное ожидание. Затем страж развернулся и скрылся за поворотом скалы, двигаясь с неожиданной для его массы быстротой.

Элиас не успел даже толком осознать происходящее, как в грот вошёл Тот Самый. Существо с шрамами, принявшее кристалл. В его руках, прижатый к груди, пульсировал тот самый уродливый, тёмный камень. Он казался ещё более чёрным, но теперь его прожилки светились ровнее, спокойнее, как тлеющие угли после бури.

«Серый» остановился в шаге от Элиаса и опустил на одно колено. Он не стал прикасаться к своему лбу. Он просто смотрел. И в сознание Элиаса, без боли и насилия, полились не образы, а ощущения, сопровождаемые простейшими мыслеформами.

Тяжесть камня в руках. Тихое жужжание силы внутри него. Чувство связи — не с Элиасом, а с другими. С десятками, сотнями таких же молчаливых умов, разбросанных по пустошам. И ясное, твёрдое понимание, исходящее от существа:

«Кристалл — разум. Я — узел. Я — проводник воли. Их воля. Теперь — моя воля. Они будут идти. Куда?»

Вопрос висел в воздухе, обращённый прямо к нему. Не просьба о командовании. Просьба о направлении. Они выбрали его спасителем и дали силу своему проводнику. Теперь проводник спрашивал у источника силы: куда вести народ?

Элиас сел, чувствуя, как голова кружится от слабости и этого прямого мысленного контакта. Ярость и нетерпение, ещё тлевшие в нём, столкнулись с этой немой, тяжёлой ответственностью.

«Мне нет дела до ваших путей, — мысленно вытолкнул он, грубо и резко, вложив в посыл всё свое отчаяние и спешку. — У меня свой путь. Он ведёт отсюда. Прочь.»

Он отвернулся, протягивая руку к фляге с водой. Он должен был пить, есть, восстанавливать силы и уходить. Каждое мгновение здесь было кражей. Он уже чувствовал зияющую пустоту на первом круге часов под повязкой рукава.

Но его собственные мысли, его главный, сжигающий изнутри вопрос, поднялись на поверхность, прежде чем он успел их задавить. Образ летунов. Нужда в проводнике. В знании, которое есть у этих существ, живущих здесь веками.

Он замер, фляга на полпути ко рту. Потом медленно опустил её. Обернулся к «Серому», чьи глаза всё так же терпеливо ждали.

«Летуны, — мысленно произнёс Элиас, вкладывая в понятие образ крылатых существ, парящих у вершин. — Гнездятся высоко. Мне к ним. Ты знаешь путь? Настоящий путь. Не ловушку.»

«Серый» не ответил сразу. Он, казалось, обдумывал, пропуская вопрос через призму своего нового, кристаллического понимания. Потом медленно кивнул.

В сознание Элиаса хлынула не карта, а схема. Череда скальных ориентиров, переходов, мест, где «камень дышит» (геотермальные выходы) и где «ветер спит» (затишье среди восходящих потоков). Это был путь не вверх по отвесной стене, а вокруг и сквозь неё. Тоннель. Естественная расщелина, которую его народ использовал для подъема к нижним ярусам гнездовий. Путь сложный, почти вертикальный в отдельных местах, но проходимый для того, кто знает, где наступать и за что хвататься. И он выводил не к самому гнезду, а к месту встречи — плоской площадке на одном из уступов, где летуны иногда опускались, чтобы... наблюдать.

«Серый» добавил к схеме простое предупреждение, окрашенное в тона глубочайшего, инстинктивного недоверия:

«Они легкие. Их мысли — быстрые, острые, колючие. Не доверяй тишине между их словами. Их ветер лжёт».

Информация была получена. Цель — ясна. Элиас больше не видел причин оставаться. Он кивнул «Серому», коротко и без благодарности. Потом принялся за еду и воду, поглощая их с безрассудной, животной жадностью, чувствуя, как сила по капле возвращается в мышцы.

Когда он встал, проверяя устойчивость ног, к нему подошли два других «серых». Они не кланялись. Они просто встали по бокам от него, ожидая.

«Серый» с кристаллом послал последнюю мыслеформу:

«Они проводят до начала Пути Тени. Дальше — их глаза не видят. Удачи, Тот-Кто-Остановил-Падение.»

Элиас вышел из грота в холодный, разреженный воздух предгорий. Два его немых стража двигались рядом, их тяжёлые ступни бесшумно ступали по камню. Они шли не по прямой, а по сложной, известной лишь им траектории, обходя невидимые глазу трещины и зыбучие осыпи. Час. Два. Они подвели его к подножию одной из гигантских колонн, к почти незаметной, тёмной щели в скале, из которой веяло сырым, неподвижным воздухом.

Здесь они остановились. Проводники указали на щель, затем развернулись и, не оглядываясь, скрылись среди камней. Их долг был исполнен.

Элиас остался один перед чёрным зевом туннеля, ведущего вверх, в царство ветра и крылатых существ. Он сделал глубокий вдох, собираясь с духом, чтобы шагнуть в темноту.

И тогда, на самом краю зрения, высоко на уступе одного из Столбов, он увидел тень. Мелькнувшую, стремительную, слишком крупную для птицы и слишком грациозную для чего-то земного. Она задержалась на мгновение, будто оценивая его и его недавних провожатых, затем бесшумно растворилась в играх света и облаков, оставив после себя лишь легкое движение воздуха.

За ним наблюдали. Следующие учителя — или судьи — уже были здесь. И они видели всё.

Он остановился у самого входа в тёмную щель, и рука его сама потянулась к запястью. Он отодвинул грубый рукав. Три круга мерцали в тусклом свете.

Первый круг.

Он пристально всмотрелся, словно мог разглядеть отдельные деления. Широкое серебристое кольцо было испорчено. Не просто тронута пустотой — изъедено. Чёткая, безжалостная дуга тьмы отъела уже не тонкий сектор, а целую четверть, пожалуй, даже больше. Он мысленно прикинул, сверяясь с внутренним, болезненно точным счётчиком, который вёл учёт каждому потерянному часу с момента прибытия.

Сто три дня.

Сто три дня из четырёхсот. Растаяли в падении с переворотом, в панике на пляже, в ночах, проведённых в тревожной дремоте под взглядами «серых», в долгом, изматывающем переходе, в том четырёхчасовом побоище у оврага и, наконец, в этой последней, чудовищной трате сил на рождение уродливого кристалла и в последующем забытии. Он мысленно раскладывал их, как проклятые монеты: десять дней на адаптацию и поиск пути, недели на стычки и обходы, четыре дня на восстановление после большой битвы, трое суток на создание кристалла и выход из истощения... Цифры складывались в пугающую, неопровержимую сумму.

Осталось двести девяносто семь.

В уме, отточенном на тактике и расчётах, тут же всплыла другая цифра. Сто десять. Резерв. Второй круг, пока ещё сияющий нетронутой полнотой. Сто дней последнего рубежа. Он смотрел на него, на это узкое, яркое кольцо, и внутри всё сжималось. Эти сто дней были не ресурсом. Они были предупреждением. Финишной прямой. Теми самыми десятью шагами до края пропасти, которые даются не для разбега, а для последнего, отчаянного прыжка.

Почти треть пути к финальному отсчёту уже позади, — прошипел в его голове холодный, безжалостный голос, так похожий на викторовские констатации. И что ты достиг? Ты научился

драться с камнями. Ты стал вожаком для немых троглодитов. Ты съел лягушку и выучил два слова на языке моряков. Где Сердце Плоти, Элиас? Где твой щит для сестры?

Он стиснул зубы, чувствуя, как по лицу разливается жар бессильного гнева. Он знал, что время уходило на необходимое. Без знаний Харгана он бы бродил у того пляжа до сих пор. Без «серых» — их проводников или их сопротивления — он не узнал бы о туннеле. Каждая задержка, каждая потраченная секунда словно вплеталась в паутину этого мира, становясь её частью. Но от этого не становилось легче.

Двести девяносто семь, — повторял он про себя, как мантру, как проклятие и как приговор. Это много. Это ещё почти год. Но он уже видел, с какой чудовищной скоростью они могут таять. Один неверный шаг, одна новая враждебная раса, одна магическая катастрофа — и от этого года останется половина. А потом — только тот самый резерв. Последние сто и еще десять дней агонии.

Он потянулся к фляге, сделав глубокий, жадный глоток. Холодная вода очищала горло, но не смывала вкус страха. Он не мог позволить себе больше таких трат. Ни сил, ни времени. Каждое действие отныне должно быть выверено. Каждое решение — вести прямо к цели. Летуны были не следующей остановкой. Они были ключом. И он выбьет этот ключ из их рук, или вырвет с мясом, или сам станет отмычкой, но потратит на это минимум. Ни дня больше, чем необходимо.

Он бросил последний взгляд на своё запястье, на этот тихий, неумолимый циферблат своей судьбы. Двести девяносто семь основных. Сто резервных. И десять — последних, отчаянных. Всего — четыреста семь. Он уже отдал миру Чрева сто три. Больше — ни секунды.

С этим решением, холодным и твёрдым, как клинок, он развернулся к чёрному зеву туннеля, отбросил прочь сомнения и сожаления и сделал шаг вперёд, в сырую, пахнущую древним камнем темноту, навстречу ветру и крылатым теням.

Глава 5

Туннель не был туннелем в привычном смысле. Это была трещина, расселина, рождённая в муках древнего тектонического сдвига и позже обработанная... чем-то. Стены неровные, местами обожжённые, словно от гигантского сверла, местами покрытые скользким, биOLUMИ-несцентным мхом, испускавшим тусклое сине-зелёное свечение. Воздух стоял неподвижный, тяжёлый, пахнувший пылью веков, озоном и чем-то кислым, металлическим. Давление в ушах нарастало с каждым шагом вглубь горы.

Элиас шёл осторожно, но быстро, экономя силы. Карта-схема, переданная «серым», светилась в его памяти чёткими ориентирами: «поворот, где камень плачет» — сталактит с каплями влаги, «узкое место с зубьями» — расщелина с острыми выступами. Он двигался почти на ощупь, полагаясь больше на чутье и память, чем на зрение. Часы на запястье, скрытые рукавом, жгли ему кожу — тихим, неумолимым укором.

Первую опасность он услышал раньше, чем увидел. Тихий, сухой шелест, словно кто-то сыпет горстями мелкого гравия. Он замер, прижавшись к стене. Из тени под низко нависающим выступом выползло существо, похожее на помесь гигантской сороконожки и хрустального кактуса. Его длинное, сегментированное тело было покрыто не хитином, а острыми, прозрачными кристаллическими шипами, которые отдавали тем же сине-зелёным светом, что и мох. Оно не нападало. Оно перегораживало путь, поднимая передние сегменты и тихо позвякивая шипами.

Монстр, — мгновенно пронеслось в голове Элиаса. Он оценил расстояние. Обойти невозможно — туннель тут был шириной в два его шага. Ждать, пока уползёт? Неизвестно сколько. Часы тикали.

Решение было принято в долю секунды. Он не стал тратить драгоценную магическую энергию. Собрав волю в кулак, он не стал формировать сложный импульс. Он просто ударил — не по существу, а по скальной плите под ним. Грубым, коротким толчком силы, чистой кинетической энергии.

Плита с грохотом дрогнула и просела на пару сантиметров. Существо, лишённое устойчивости, покачнулось, его кристаллические шипы мелодично и угрожающе зазвенели. В этот миг Элиас рванулся вперёд, не пытаясь его убить.

И это было ошибкой.

Шум падения и звон шипов стали сигналом. Из многочисленных боковых расщелин, из-под камней, с потолка — отовсюду послышался тот же сухой, шелестящий шорох, помноженный на десятки существ. Сине-зелёные огоньки зажглись в темноте. Не одно существо. Целое полчище. Они высыпали на его путь, перекрывая туннель сплошной, колышущейся стеной из острых, светящихся тел. Их шипы поскрипывали и позванивали, создавая жутковатую, нервную мелодию. Он оказался в западне между двумя группами.

Паника, острая и холодная, кольнула под рёбра. Он отскочил назад, прижавшись спиной к холодной скале. Существа не спешили нападать всем скопом. Они стали медленно сжимать кольцо, двигаясь волнообразно, согласованно. Их многочисленные сегменты извивались, а острые концы шипов направлялись в его сторону.

Сражаться. Иного выбора не было. Бежать некуда. И ждать, пока они решат его проигнорировать — смерти подобно. Он вдохнул, собирая волю. Она отзывалась скудно, эхом в опустевшем колодце его сил. Но её хватило.

Он не стал бить площадью. Он бил точно. Когда первое существо сделало резкий выпад, Элиас встретил его не щитом, а сконцентрированным «Импульсом Силы», размером с кулак, выпущенным точно в стык между двумя сегментами. Раздался сухой хруст, и передняя часть твари беспомощно повисла, загородив собой проход для сородичей. Второе, пытавшееся

еся обползти сверху по стене, он сбил более грубым толчком, просто швырнув его в основную массу, вызвав кратковременную давку и звон ломающихся кристаллов.

Это была не битва, а изматывающее отражение. Он отступал шаг за шагом, используя каждую неровность стен, каждый выступ. Он заставлял их лезть друг на друга, создавая заторы, а затем точными, минимальными ударами опрокидывал самых проворных. Один шип впился ему в бедро — тупая, глубокая боль, тут же сменившаяся жжением. Он вырвался, оставив в ране обломок, и тут же придавил нападавшего обрушившимся сверху сталактитом, направленным коротким силовым толчком.

Бой длился мучительно долго. Минуты растягивались в часы. Он не мог позволить себе ни одной крупной траты энергии. Каждый его удар был хирургическим, выверенным, направленным на то, чтобы калечить, сбивать с толку, создавать препятствия, а не гарантированно убивать. Его одежда превратилась в лохмотья, тело покрылось царапинами и синяками, бедро ныло и сочилось кровью. Но он держался.

Когда последняя волна атакующих отхлынула, оставив на полу туннеля с дюжину изувеченных, медленно ползущих тел, Элиас, тяжело дыша, прислонился к стене. Руки тряслись от перенапряжения. Передышка была куплена дорогой ценой. Он выиграл несколько минут и несколько десятков метров пути.

И в эту тишину, нарушаемую лишь его хриплым дыханием и тихим шуршанием отползающих тварей, ворвался холодный, ясный призрачный призрак чужого мастерства.

Как бы поступил Виктор?

Мысль была не просто вопросом. Она была целой симуляцией, разворачивающейся на фоне его собственного кровавого сумбура. Элиас закрыл глаза на секунду, и увидел — нет, понял — другую реальность.

В этой реальности его учитель не рвался бы вперёд и не отступал. Он бы замер на пороге этого зала ещё до того, как первое существо показалось. Его взгляд — не яростный, а рассеянный, будто смотрящий сквозь камень — скользнул бы по стенам, по мху, по бликам на кристаллических шипах. Он искал бы не слабое место врага, а слабое место в самой системе. В связях. В ритме.

И он бы нашёл его. Не в теле твари, а в самом воздухе. В том самом синхронном, нервном звоне, который издавали шипы при движении. Для Элиаса это был просто жутковатый шум. Для Виктора это была партитура, карта резонансов. Он бы выделил доминирующую частоту — тот самый базовый тон, на котором держалась координация всей колонии, их коллективное, примитивное сознание.

Затем, без единого лишнего движения, почти не тратя сил, он бы приложил палец к стене туннеля. Не для удара. Для посылки. Тончайшую, нитевидную струйку магической энергии, настроенную не на разрушение камня, а на усиление той самой частоты. Он бы не подавил звон. Он бы всколыхнул его, довёл до предела, до критического резонанса.

И тогда случилось бы то, что Элиас с трудом мог вообразить. Не взрыв. Контролируемый коллапс. Резонанс, вышедший из-под контроля, пробежал бы по всем кристаллическим шипам одновременно. Они не сломались бы. Они запели — пронзительно, невыносимо, на грани собственной структурной целостности. И в этот миг, когда вся колония была бы едина в этой звуковой агонии, Виктор применил бы второй, завершающий принцип — вмешательство в причину.

Он бы не стал уничтожать каждое существо. Он бы убедил кристаллическую решётку в их панцирях, что её стабильное состояние — это пыль. Один-единственный, безупречно рассчитанный импульс гармонизирующей силы, впрыснутый в самый эпицентр резонансного поля.

Элиас мысленно увидел это: существа не падали мёртвыми. Они рассыпались. Не в кровавое месиво, а в аккуратные, мелкие кучки сверкающей пыли и безвредных обломков. Вся колония — десятки, может, сотни тварей — была бы нейтрализована за один миг. Без криков,

без борьбы, без единой капли потраченной на прямую конфронтацию энергии. Тишина после этого действия была бы абсолютной, чистой, почти святой. И Виктор, не ускоряя шага, в безупречно чистом плаще, просто прошёл бы дальше, даже не оглянувшись на результаты своей работы. Он не победил бы врага. Он исправил досадную помеху на своём пути. Элегантно. Экономно. Без единой лишней траты.

Элиас открыл глаза. Перед ним была его реальность: окровавленные лохмотья, ноющая рана на бедре, разбросанные по туннелю изуродованные, но ещё живые и шипящие твари, смрад их соков и его собственного пота. Он стоял посреди хаоса, который сам и создал, затратив уйму сил и времени. Грубо. Неэффективно. По-своему.

Горькая усмешка скривила его губы. Да, Виктор сделал бы это лучше. Идеально. Но у него не было десяти лет аскетичного обучения, отточившего разум до состояния лезвия. У него были только часы на запястье, тикающие в такт его панике, и воля, которая умела лишь одно: бить. И пока что этого хватало, чтобы выжить и двигаться вперёд. Пусть и через груды трупов и потраченное впустую время.

А Тилия? Её мысленный голос звучал ясно и насмешливо. Она бы, наверное, сразу изучила структуру мха, эти шипы, их свечение. Нашла бы слабое место — возможно, они боятся вибрации определённой частоты или их координация зависит от света. И выключила бы его, оставив существ слепыми и дезориентированными, просто пройдя между ними.

А он... он ломал. Тратил силы. Пачкался в их соплях и кишках. Бил кулаком по стенам и надеялся, что враг запутается в телах своих сородичей. Грубо. Неэффективно. Но это его путь, его видение решения проблемы.

Но это сработало. Он был жив. И путь, хотя и заваленный ранеными тварями, был теперь открыт. Он не обладал изящными методами учителя или аналитическим гением напарницы. У него была только его воля, закалённая в необходимости защищать. И сейчас она приказала ему двигаться дальше.

Стиснув зубы, он оттолкнулся от стены, хромая, перешагивая через извивающиеся тела. Каждый шаг отдавался болью в бедре. Он не оглядывался на жужжащую тьму за спиной. Впереди был только туннель, ведущий вверх. К летунам. К следующему испытанию. И часы на его запястье, казалось, тикали теперь ещё громче, отсчитывая время, потраченное на эту кровавую, безобразную разборку в темноте.

Дальше путь пошёл круто вверх. Трещина превратилась в почти вертикальный колодец, где приходилось цепляться за выступы, втискиваться в узкие щели, чувствуя, как рвётся ткань и стираются в кровь пальцы. Он карабкался, как животное, отключив все чувства, кроме видения цели — вверх. Воздух становился ещё более разреженным, в лёгких горело.

И тогда случился обвал.

Не по его вине. Просто древняя скала, потревоженная, возможно, его шагами или просто доживающая свой век, решила сбросить груз. Сначала — мелкая каменная крошка, затем глухой гул. Элиас, зацепившись за выступ на высоте десяти метров над пологим участком, успел лишь прижаться к стене и создать над головой «Несокрушимый Бастион» в его минимальной, локальной форме. Не полноценный щит, а просто плотную силовую плиту.

Сверху на него обрушился град камней — от мелкой щебёнки до булыжников размером с голову. Они барабанили по энергетическому полю, раскальваясь в пыль. Удар за ударом. Каждый — отнимал кроху его и без того скудных сил. Он чувствовал, как защита трещит, как его сознание плавится от усилия. Он впился пальцами в камень, стиснув зубы до хруста, не позволяя себе свалиться вниз. Не сейчас. Не здесь.

Обвал длился меньше минуты, но показался вечностью. Когда грохот стих, он был покрыт с головы до ног белой каменной пылью, а его силовой резерв ощутимо опустел.

Он посмотрел вниз — прежний путь был завален грудями свежего щебня и пылившими обломками размером с него. Обратной дороги не было. Он посмотрел наверх — там, где

минуту назад зиял проход, теперь нависала сплошная, треснувшая масса камня, перекрывающая туннель почти полностью, оставляя лишь узкую, непригодную для прохода щель. Он был замурован. В каменном мешке, шириной в несколько шагов и высотой в десяток метров.

Первой пришла паника. Горячая, слепая, сжимающая горло. Он рванулся к груде обломков снизу, начал раскидывать камни руками, потом силой воли. Небольшие валуны отлетали в стороны, но за ними открывался только ещё более плотный, неподвижный заслон из спрессованных плит. Он ударил по нависающей массе сверху — мощным, грубым «Импульсом Силы». Камень дрогнул, осыпался мелкой крошкой, но не поддался. Вторая попытка, третья... От каждого удара в узком пространстве стоял оглушительный грохот, сыпалась пыль, но результат был нулевым. Трата сил, только трата сил. Его дыхание стало прерывистым, в ушах застучала кровь. Он мог бить и бить, пока не истощится полностью, и лишь уплотнит эту могилу.

Западня. Идиотская, простая западня.

Он остановился, прислонившись лбом к холодному, неподатливому камню. Отчаяние липкой плёнкой поползло из желудка к горлу. Он зажмурился, пытаясь выдавить его. И в темноте за веками всплыло не лицо, а метод. Холодный, безличный, как сканер. Виктор.

«Грубая сила — последний аргумент дурака, Элиас. Мир — это не дверь, которую нужно выбить. Это конструкция. У каждой конструкции есть напряжения. Точки приложения. Найди их, и одна капля силы сделает то, на что не хватит и тонны ярости».

Он открыл глаза. Взгляд его, ещё секунду назад безумный, стал цепким, аналитичным. Он отодвинул панику, как отодвигают мешающую занавеску. Он больше не видел просто скалу. Он видел конструкцию.

Медленно, болезненно переключая восприятие, он начал «ощупывать» камень не как преграду, а как систему. Он искал не слабое место, а напряжения. Те линии, где камень, сжатый под своим же весом после обвала, уже готов был разломиться, но держался. Он водил ладонью по шершавой поверхности, закрывал глаза, пытаясь уловить малейшую вибрацию, малейший намёк на внутренний стон породы.

Сначала ничего. Только мёртвая, безразличная тяжесть. Потом — едва уловимое. Как тихий звон в самой кости скалы. Он нашёл первую точку — место, где огромная плита, заклинившая проход сверху, упиралась в выступ боковой стены. Давление здесь было чудовищным. И он понял, что нужно сделать.

Он не стал бить по плите. Он собрал волю в тончайшую иглу и послал крошечный, сфокусированный импульс прямо в точку этого контакта. Не чтобы сломать, а чтобы усилить напряжение. Довести его до предела.

Раздался не грохот, а резкий, сухой хруст, как ломается кость. Плита не упала. Она сдвинулась. Всего на сантиметр. Но этого хватило, чтобы сверху посыпались новые камни, но также — чтобы открылась узкая, косая щель над ней.

Это был не прорыв. Это был шаг. Мучительный, медленный, требующий не силы, а изнурительной концентрации. Он нашёл следующую точку. Потом ещё одну. Он перестал воспринимать время как минуты и часы. Он воспринимал его как циклы: поиск напряжения — концентрация — точечный импульс — анализ результата — поиск нового напряжения. Его мир сузился до этого каменного мешка, до дрожи в коленях от постоянного стояния, до сухости во рту и ноющей пустоты в желудке. Он пил конденсат со стен, жевал последние крохи концентрата, не обращая внимания на вкус.

Иногда его накрывало отчаяние. Казалось, он сдвигает гору по песчинке. Часы на запястье, которые он теперь боялся смотреть, были немым обвинением. Но ярость, которая раньше заставляла его биться лбом о стену, теперь переплавилась в другое — в упрямое, холодное терпение. Он не мог позволить себе панику. Он мог позволить себе только работу.

Он научился различать типы напряжений: сдвиговые, балансировки, точки сжатия. Его импульсы становились тоньше, точнее. Он уже не просто давил — он подталкивал, подпиливал, расшатывал. Он заставлял камень работать против самого себя.

Прошло пять дней.

Пять дней в полутьме, в пыли, в крошечной тишине, нарушаемой лишь его собственным дыханием и периодическим сухим треском камня. Он был покрыт с ног до головы серой каменной мукой, его руки были стёрты в кровь, а в глазах стояла лихорадочная, лишённая сна, ясность. Но над ним теперь зиял проход. Не широкий, не удобный. Узкая, извилистая расщелина, выгрызенная им в толще обвала по пути наименьшего сопротивления, по цепочке разрушенных им напряжений. Это был не туннель, проложенный силой. Это был путь, высвобождённый пониманием.

Собрав последние крохи сил, он втиснулся в щель. Камень скреб ему спину и плечи. Он прополз несколько метров в абсолютной темноте, ориентируясь только на приток более свежего, холодного воздуха. И вывалился, наконец, в следующую галерею — часть того же туннеля, но уже над местом обвала.

Он лежал на холодном камне, не в силах пошевелиться, и смотрел в темноту. Он не чувствовал триумфа. Он чувствовал только леденящую, абсолютную пустоту — физическую и ментальную. Он потратил пять дней. Сто двадцать часов. Он выжил. Он выбрался. Но какой ценой? И сколько таких ловушек ждало его впереди?

Он не стал Виктором. Он даже не приблизился к нему. Но он сделал шаг. От молота — к зубилу. Медленному, упрямому, где-то даже кондовому, но способному дробить камень не ударами, а терпением. И этот урок, выученный в крошечной тьме каменного мешка, стоил ему дороже, чем любая битва. Он стоил ему времени.

Последний отрезок был самым странным. Стены туннеля стали ровнее, почти обработанными. Появились редкие, искусные гравировки — не письмена, а абстрактные спирали и стрелки, указывающие направление воздушных потоков. Он понял, что вошёл в зону, если не созданную, то активно используемую летунами. Здесь были даже подобию вентиляционных шахт — узкие вертикальные трубы, откуда сверху вниз падал леденящий, свежий ветер, гулявший где-то высоко на поверхности.

Свет впереди стал меняться. Не тусклое свечение мха, а рассеянный, серый дневной свет. Выход. Он был близко.

Именно тогда его и попытались раздавить.

Не было ни звука, ни предупреждения. Только внезапная, абсолютная тень, упавшая сверху, и свист воздуха. Инстинкт, отточенный годами тренировок и недавними битвами, сработал быстрее мысли. Он не прыгнул вперёд и не отпрыгнул назад. Он прилип к стене, вжавшись в небольшую нишу, и в тот же миг усилил своё сцепление с камнем всплеском воли, буквально приклеив себя к поверхности.

Рядом с ним, в сантиметрах от плеча, с оглушительным, потрясающим скалу грохотом в пол туннеля врезался валун. Не простой, а явно сброшенный сверху, с обработанной, почти круглой поверхностью. Он весил несколько тонн. Если бы он попал... даже «Бастион» вряд ли спас бы от того, что бы быть размазанным по камням пятном.

Пыль и мелкие осколки забили дыхание. Элиас, отлепившись от стены, кашлял, глотая воздух. Его сердце бешено колотилось. Это была не случайность. Это был тест. Или казнь. Он посмотрел вверх, в светлеющий просвет. Там, в ослепительном на фоне темноты силуэте выхода, он не увидел никого. Но знал — они там. Наблюдают. И только что намекнули камнем на то, что его путь на этом должен был завершиться.

Ярость, чистая и безрассудная, вскипела в нём. Его трясло не от страха, а от бессильного гнева. Он потратил силы, время, нервы, чтобы добраться сюда, и его встретили попыткой убийства.

Собрав последние крохи не достоинства, а самой что ни на есть воли, Элиас не пошёл к выходу. Он поднял голову и взглянул вверх, в тот самый узкий, залитый серым светом просвет, откуда упал валун. Его мозг, отточенный пятью днями каменного плена, просканировал пространство. Прямой путь вверх. Около пятнадцати метров. Отвесная, почти гладкая шахта.

Обходных путей нет, — холодно констатировала часть его сознания, усвоившая уроки заточения. Ждать — смерти подобно.

И тогда он вспомнил не то, как надо лазать по горам. Он вспомнил левитацию. Не как удобный навык, а как ту самую «тактическую уступку», которая шла против всей его природы. Ту, что давалась ему тяжелее всего. Ту, что требовала не бить, а подчиниться — потоку, силе, закону.

Теперь этот закон был его единственным спасением.

Он выдохнул, отбросив ярость, отбросив всё. Он представил себя не молотом, а... пером. Пустой скорлупой. Он не стал сопротивляться гравитации — он представил, как она его отпускает. Как огромная, невидимая пружина, всегда давившая его к земле, внезапно ослабляет хватку.

Его тело дрогнуло. Мускулы, привыкшие к твёрдой опоре, свела судорога протеста. Но воля была сильнее. С тихим, почти неслышным звуком, похожим на вздох, его ступни оторвались от камня.

Он взмыл.

Не полетел, не подпрыгнул. Именно взмыл — медленно, неуверенно, словно его тащили вверх на невидимой, дрожащей нити. Воздух в шахте свистел в ушах. Он проходил мимо неровных, скользких стен, мимо того самого выступа, откуда был сброшен валун. Каждый сантиметр давался чудовищным усилием. Это было не использование силы — это была капитуляция перед другим её видом, и капитуляция эта требовала не меньше энергии, чем яростный удар.

Вверх. Ещё вверх. Свет становился ближе, резче. Он видел края отверстия, уступ, небо за ним.

И тогда его тело, доведённое до предела пятью днями концентрации, голодом, жаждой и этим последним, противоестественным для него рывком, сдалось. Воля, державшая его на нити левитации, иссякла мгновенно, как перерезанная струна.

Он не упал. Он рухнул.

Последние два метра он пролетел в свободном падении, ударившись о каменный уступ выхода плечом и боком, с глухим стуком перекатившись на твёрдую площадку. Боль пронзила рёбра, но он её почти не почувствовал. Сознание уплывало стремительно и необратимо, как вода в сточную трубу. Последнее, что он увидел перед тем, как тьма поглотила его целиком, было низкое серое небо над головой и край скалы, уходящий в бездну. Он вырвался. Ценой всего, что у него оставалось.

Глава 6

Сознание вернулось тупой, пульсирующей болью. Не в висках, а повсюду. Каждая мышца, каждый сустав ныл и скрипел, словно его выкрутили, а потом собрали обратно не совсем точно. Голова была тяжёлой, ватной, мысли плыли густым, мутным потоком.

Элиас лежал на спине. Под ним была не земля и не камень с выбоинами, а... ровная, гладкая, чуть шершавая поверхность. Он открыл глаза. Над ним, в сантиметрах от лица, нависала такая же ровная, тёмная каменная плита. Он повернул голову — слева и справа в полумраке угадывались такие же безупречно гладкие стены. Воздух был неподвижным, стерильным, пахнувшим только пылью и сухим камнем.

Где...?

Он попытался приподняться на локтях и тут же, с глухим стуком, ударился головой о потолок. Боль, острая и ясная, пронзила череп, но зато прочила сознание. Он осторожно, уже осознавая габариты, сел, упираясь макушкой в камень. Пространство было чуть больше его собственного тела. Как саркофаг. Или ящик.

Паника, старая знакомая, попыталась поднять голову, но наткнулась на странное, новое ощущение. Он прислушался к себе. К своему внутреннему резервуару.

И обомлел.

После истощения, после того, как он выжал себя до последней капли в том подъёме, его магический запас должен был быть на нуле. Он должен был чувствовать леденящую, смертельную пустоту.

Вместо этого внутри него бурлила сила. Не просто восстановленная — почти максимальная. Полная, ровная, спокойная мощь, наполнявшая каждую клетку, готовясь к выбросу. Это было так же неожиданно и противоестественно, как найти полный кувшин воды в центре выжженной пустыни.

От неожиданности, от этого прилива странной энергии, он резко вскочил — и снова, уже сильнее, ударился головой о низкий потолок. В глазах потемнело от боли и ярости. Он был в ловушке. В идеальном, тесном, каменном ящике.

Кто? Летуны? Они сбросили на него камень, а потом упаковали, как образец? Или это ещё одна форма испытания?

Он провёл ладонью по стене. Камень был не просто гладким. Он был отполированным, будто его годами шлифовали водой и песком. Ни швов, ни трещин. Безупречная работа.

Виктор, — мелькнула мысль. Он бы нашёл слабое место в этой геометрии. Ты же — просто молот. Но сейчас у тебя есть сила, чтобы бить.

Элиас отшвырнул мысль. Нет. Не просто бить. Он уже научился кое-чему в том каменном мешке. Нужно искать не слабость, а структуру. Но времени на тонкий анализ не было. Это чувство полной силы внутри было неестественным. Оно могло исчезнуть так же внезапно, как и появилось. Как подарок, который дают лишь на мгновение.

Он приложил ладони к потолку над головой. Сосредоточился. Он искал не резонанс, не напряжение — он искал массу. Толщину. Он пустил тончайшую зондирующую нить воли в камень, пытаясь понять, что над ним. Слой за слоем... И он наткнулся на пустоту. Всего в полуметре выше этой идеальной плиты начиналась обычная, неровная скальная порода. Этот ящик был встроен в камень. Как драгоценность в оправе. Или как клетка.

Это меняло всё. Он не был завален тоннами горной породы. Над ним был лишь слой камня, который можно было пробить.

Элиас собрал силу. Не для грубого удара, а для сверления. Ярость от заточения, страх перед этой идеальной каменной темницей и странный, щедрый запас магии внутри сплелись в единый порыв. Он сформировал «Импульс Силы» не в виде сгустка, а в виде узкого, бешено

вращающегося сверла чистой энергии, сконцентрированного на ладони. Его рука дрожала от напряжения. Он вдохнул полной грудью едкий воздух и с рёвом, вкладывая в этот крик всю свою волю, упёр бур в центр каменного потолка.

Он ждал визга, сопротивления, взрыва пыли.

Но ничего этого не произошло.

В миллиметре от соприкосновения с поверхностью, бешено вращающийся ступок силы... рассёк пустоту. Каменная плита, идеально ровная и монолитная секунду назад, без единого звука раздвинулась. Не раскололась, не распалась. Она плавно, как створка самой совершенной двери, уехала вбок, вглубь стены, открывая над ним прямоугольный проём, залитый мягким, рассеянным светом.

Элиас, по инерции, чуть не швырнул свой бесполезный теперь энергетический бур в пустоту. Он замер, запыхавшийся, с бешено колотящимся сердцем, его глаза слезились от резкого света. И в этом свете, на краю проёма, он увидел того, кто открыл его саркофаг.

Летун.

Он стоял, слегка наклонив голову, рассматривая его. Существо было высоким и невероятно стройным, почти хрупким на вид, но в этой хрупкости чувствовалась упругая, жилистая сила. Его кожа отливала перламутром и цветом высокогорного льда — синевато-белой, почти прозрачной. Одежды не было, лишь сложные перевязи из тончайшей, серебристой ткани, подчёркивавшие анатомию. Но главное — крылья. Огромные, мощные, сложенные за спиной, как плащ из тысяч переливающихся перьев цвета грозового неба, стали и дыма. Лицо было вытянутым, с высокими скулами и большими, миндалевидными глазами без видимых зрачков — просто глубокие, тёмные озёра, в которых отражался сам Элиас, грязный, измождённый, с безумным взглядом.

Ни звука. Ни движения. Только взгляд. Взгляд, который скользил по нему с холодным, безоценочным любопытством. Он изучал его. Как механизм. Как явление. В этих тёмных глазах не было ни враждебности, которую Элиас ожидал после сброшенного валуна, ни страха перед его магией. Было лишь внимание. Пристальное, всепоглощающее.

Элиас, всё ещё стоя в своей каменной могиле, медленно опустил руку. Магический бур рассыпался искрами. Его собственная ярость, его готовность к бою, казалась в этот миг дикой, примитивной, почти нелепой. Он был как разъярённый зверь в клетке, а его тюремщик лишь поднял заслонку, чтобы посмотреть на его реакцию.

Они смотрели друг на друга через проём: одно существо — порождение воли, долга и ярости; другое — дитя ветра, высоты и непроницаемого спокойствия. Воздух между ними вибрировал от этого немого диалога.

Элиас первым нарушил тишину. Не словом — он всё ещё не знал, понимают ли они мыслеобразы «серых». Он сделал шаг вперёд, к проёму, и медленно, очень медленно, поднял открытую ладонь, показывая пустоту. Жест одновременно и мирный, и вызывающий: Я здесь. Я вышел. Что дальше?

Летун не моргнул. Его голова наклонилась ещё на градус. Затем, плавным, почти неведомым движением, он отступил на шаг от края, давая место. Приглашая.

Это не было дружелюбием. Это был следующий этап осмотра.

Летун склонил голову, и его голос, чистый и мелодичный, прозвучал уже не в сознании, а в самом воздухе, странно гармонируя с шумом ветра.

— Приветствую. Как тебя зовут?

Элиас отшатнулся, будто от щелчка по лбу. Звук родной речи в этой пустоте был ошеломляющим. Он выдохнул, почти не владея собой.

— Элиас. Элиас Велис.

— Я — Кейрин, — отозвался крылатый, и в его интонации слышалось что-то вроде тихого удовлетворения. — Хранитель Ветров этого Столба.

В голове у Элиаса пронеслись десятки вопросов. Он выхватил самый нелепый, первый, что пришёл в голову, указывая пальцем то на себя, то на каменный ящик:

— Вы... вы меня накормили ещё одной лягушкой? Чтоб я вас понимал?

Тёмные глаза Кейрина блеснули. Из его груди вырвался лёгкий, хрустальный звук, похожий на смех.

— Лягушкой? Нет, пришелец Элиас. Никаких земноводных. Ты лежал в Ванне Созерцания. — Он сделал изящный жест в сторону углубления в полу. — Древний инструмент. Он не учит словам. Он... снимает пелену с ума. Очищает восприятие. Пять дней ты пил суть нашего мира. Его ритм. Его дыхание. Теперь ты слышишь не слова, а намерение за ними. Суть. Это дар. Или испытание. Смотри как распорядишься.

Элиас сглотнул, пытаясь осознать. Пять дней. Его не хоронили. Его... подключали.

— Зачем? — его голос прозвучал хрипло. — Сначала камень на голову, едва не убивший, а потом... такая милость?

Улыбка исчезла с лица Кейрина. Его взгляд стал отстранённым, как у хищной птицы.

— Камень был приглашением. Проверкой инстинктов. Ты не убежал. Ты взмыл. Без крыльев. Так не бывает. — Он сделал паузу, и следующие его слова прозвучали торжественнее, глубже. — И я вспомнил сказание. О Страннике Без Крыльев, что придёт из Глубин. Он будет крушить скалы волей и ходить по воздуху, как по земле. Путь его будет гореть яростью, а цель — спасти всё, кроме, быть может, себя. И ему будет нужна дорога к Самому Сердцу.

Элиас почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Опять пророчества.

— И что? Ты решил, что это я?

— Я отнёс тебя в Ванну, — просто сказал Кейрин. — Чтобы ты не умер на моём пороге. Чтобы мы могли говорить. И чтобы я мог разглядеть — ты ли это. Пока знаки сходятся. Грубая сила. Негнущаяся воля. И полное неведение о том, как устроено наше небо. — В его голосе не было насмешки, лишь холодная констатация. — Теперь идём. Ты будешь моим гостем. Пока что.

Он развернулся и шагнул к выходу из пещеры. Элиас, после мгновенной внутренней борьбы, последовал за ним. Спускаться обратно не было смысла.

Тропа над пропастью была узкой. Кейрин шёл по ней с невозмутимой лёгкостью.

— Мы, Илирии, — заговорил он снова, не оборачиваясь, — живём не в деревьях. Наши дома — Гнёзда Воздуха. Пещеры, открытые ветру. Мы не роём землю. Мы ловим потоки. Мы не воюем за клочки камня. Мы спорим о высоте и чистоте ветра. Ты для нас... диковина. Живой утёс, падающий с неба. Интересный. Возможно, опасный.

Он на миг замолчал, дав Элиасу ощутить всю глубину пропасти слева.

— Потому что в сказании есть и другое. Странник принесёт с собой бурю. — Кейрин бросил взгляд на клубящиеся, тяжёлые облака над головой. — И похоже, буря уже начинается.

Они вошли в Гнездо Воздуха, и Элиас на мгновение забыл о времени, долге и трещинах в мироздании.

Это не было деревней. Это был сон архитектора, пойманный в сети ветра и камня. Жилища — не пещеры, а сложные, ажурные конструкции из отполированного светлого дерева, похожего на кость, и натянутой, полупрозрачной ткани, переливающейся, как крылья стрекоз. Они цеплялись к скале, свисали с выступов, соединялись висячими мостами, которые колыхались в порывах ветра, словно живые. Повсюду были Илирии — одни парили в воздухе, ловко лавируя между домами, другие сидели на открытых платформах, что-то плетя из тонких волокон или настраивая странные инструменты, похожие на арфы из чего-то кристаллического. Их речь, полная свистов, щелчков и мелодичных переливов, была теперь для Элиаса не просто набором звуков — он улавливал за ней лёгкие, быстрые мысли о давлении, о направлении воздушных струй, о красоте спирали восходящего потока.

Их встретили не оружием и не подозрением, а молчаливым, изучающим вниманием. Десятки пар тёмных, бездонных глаз обратились к нему. Ни страха, ни восторга. Чистое, почти научное любопытство. Кто-то из молодых, с перьями цвета рассвета, указал на него и что-то быстро прошептал соседу. Элиас уловил суть: «Смотри, тот самый. Каменный. Дышит тяжело, будто воздух для него желе».

Кейрин провёл его через центральную площадку — круглый помост без перил, с которого открывался головокружительный вид на все слои облаков под ними и на бескрайнее, свинцовое небо которое разливалось как океан. Здесь Кейрин остановился и повернулся к нему. Радужие, если оно и было, испарилось, уступив место сосредоточенной серьёзности.

— Теперь ты можешь спросить, — сказал Кейрин. — Ты пришёл сюда не за красотой наших гнёзд.

Элиас почувствовал, как привычная тяжесть — тяжесть часов на запястье, тяжесть долга — возвращается, сдавливая грудь. Он выдохнул.

— Сердце Плоты. «Чрево Мира». Ты знаешь, где оно?

Кейрин не ответил сразу. Он посмотрел куда-то вдаль, за край площадки, будто всматриваясь в самую гущу облаков.

— Знаю ли я где? Нет. Никто из живущих не знает точного места. Оно сокрыто. Но я знаю вектор. Его тяготение. — Он приложил длинную, изящную руку к груди, где должно было биться сердце. — Каждый Илирий чувствует его. С самого рождения. Как ты чувствуешь, где низ, а где верх. Это... постоянное, тихое притяжение в самой глубине костей. Оно указывает вниз. В самую сердцевину Камнеглота. Туда, где камень перестаёт быть камнем, а становится чем-то иным. Но путь к нему — не география. Это испытание. Испытание самой сути идущего.

Элиас кивнул, его взгляд загорелся холодным огнём. Это было больше, чем он ожидал. Вектор. Ощутимое направление.

— Мне нужно туда. Как можно быстрее.

— Зачем? — спросил Кейрин, и его голос прозвучал тише, но острее. — Зачем тебе Сердце нашего мира, Странник? Что ты собираешься с ним сделать? Забрать? Разрушить? На что-то обменять?

Вокруг, казалось, замерли даже ветра. Илирии на соседних платформах перестали двигаться, их внимание, как одно целое, сфокусировалось на Элиасе. Он чувствовал тяжесть этого коллективного ожидания.

И он решил не лгать. У него не было времени на хитрости, а его новый «слух» подсказывал, что ложь здесь, в этом мире прозрачных мыслей и потоков, будет обнаружена мгновенно.

— Я не собираюсь его забирать, — сказал он, и его голос, хриплый и чуждый этой воздушной гармонии, прозвучал громко и чётко. — Я должен его активировать. Чтобы починить то, что сломано. В моём мире есть стена. Барьер. Мы называем её Печатью Стирода. Она держит... Пустоту. Хаос, что пожирает миры. И она дала трещину.

Он сделал паузу, видя, как тёмные глаза Кейрина сужаются.

— Если три Сердца — Духа, Плоты и Тени — не будут приведены в резонанс в строго определённый момент, когда трещина достигнет критической точки, Печать падёт. И тогда ваш мир, мой мир, всё, что между ними... будет поглощено. Сначала ветра умолкнут. Затем камни рассыпятся в пыль. А потом исчезнет и сама пыль. Останется только тишина. И холод.

Он не кричал. Не жестикулировал. Он просто излагал факты, которые жгли его изнутри с того самого дня в Пещере. Но в этой тишине, на этом парящем над бездной помосте, его слова упали, как каменные глыбы.

Кейрин не дрогнул. Но вокруг послышался тихий, встревоженный шелест — не ветра, а перешёптываний Илириев. Мысли, которые теперь ловил Элиас, стали резче, колючее:

«Трещина в небесах?»,

«Конец ветров?»,

«Он предвестник... гибели?».

— Ты говоришь о конце всего сущего, — наконец произнёс Кейрин. Его голос был ровным, но в нём впервые прозвучала металлическая нотка. — И ты, один, без крыльев, с яростью в сердце и часами на руке, пришёл, чтобы это предотвратить?

— Не один, — поправил его Элиас. — Мои соратники ищут другие Сердца. А я — ваш щит. Если Печать падёт, первыми сгорят миры у её основания. Ваше небо станет пеплом ещё до того, как волна дойдёт до моего дома. Я ищу Сердце Плоти не для себя. Я ищу его, чтобы защитить всё. Включая ваши Гнёзда Воздуха.

Он посмотрел прямо в бездонные глаза Кейрина, вкладывая в этот взгляд всю свою стальную решимость, весь свой непоколебимый, пусть и грубый, долг.

На площадке воцарилась тишина, нарушаемая лишь вечным гулом ветра, который теперь звучал как похоронный марш. Кейрин, Хранитель Ветров, смотрел на пришельца из мира, обречённого на гибель, и в его невозмутимом лице впервые появилась трещина — не страха, а тяжелого, вселенского осознания. Пророчество обретало форму, и форма эта была не светлой надеждой, а последним, отчаянным шансом, принесённым на острие чужой воли.

Кейрин молчал несколько долгих мгновений, его взгляд, казалось, измерял вес каждого сказанного Элиасом слова. Затем он медленно кивнул, и в этом движении была не покорность, а принятие неизбежного.

— Допустим, я верю твоим словам о трещине в небесах, — произнёс он наконец, и его голос утратил прежнюю мелодичность, став сухим и деловым. — Допустим, пророчество говорит именно об этом. Знание о Сердце Плоти, о том, как к нему подступиться... оно не записано на ветре. Оно хранится в камне. В древнем месте. В Храме Первого Взмаха.

— Храме?

Кейрин замолчал, и в этой паузе было нечто большее, чем раздумье. Это была тишина, натянутая, как тетива, между гордостью и неким древним, затаённым стыдом. Он смотрел не на Элиаса, а куда-то вглубь себя, туда, где хранилась память не личная, а родовая.

— Его построили не мы, — повторил он, и теперь в его мелодичном голосе ясно звучала эта непривычная горечь, как привкус металла на языке. — Камень для стен добывали не наши руки. Планы чертили не наши умы. Создатели. — Он выдохнул это слово, словно сбрасывая тяжёлый груз. — Мы зовём их Ил-Дарами. «Те, кто лепил сны». Они пришли в этот мир, когда он ещё был молод и гибок, полон неформленных ужасов и чудес. Они искали... совершенную форму жизни, способную выжить в этом перевёрнутом хаосе. А может, просто проводили эксперимент. Последний... величайший...

Он провёл рукой по своему крылу, по идеальному сочленению кости и пера, по мускулам, созданным для невероятных нагрузок.

— Они взяли прах древних скал, свет далёких, угасших звёзд, что падал сюда сквозь разломы, и... сны о полёте. Высекли нас. Не родили. Именно высекли. Как скульптор высекает статую из мрамора. Наша плоть помнит удары их непостижимых инструментов. Наши кости — резонанс заданных частот. Крылья... крылья были их главным триумфом и самой большой насмешкой. Они дали нам небо, но сами, по всей видимости, были существами земли. Тяжёлыми. Прикованными к почве. Они смотрели, как мы парим в их небе — их величайшее творение и, возможно, ощущали себя в тюрьме оставаясь внизу. Потом... они исчезли. Рассыпались. От великих остались лишь пыль да эхо в камне.

Кейрин замолчал, дав Элиасу впитать чудовищность этого откровения. Весь этот грациозный, прекрасный народ — не дети этого мира, а артефакты. Живые памятники чужому гению или безумию.

— Храм Первого Взмаха — не наша святыня. Это их лаборатория. Архив. Мавзолеей. Там осталось то, что не смогло исчезнуть вместе с ними: знание. Знание о том, как они ковали реальность. Как разговаривали с камнем. И, самое главное... — Кейрин пристально посмотрел

на Элиаса, — их понимание сути Чрева Мира. Они не просто жили здесь. Они изучали его. Препарировали, как мы препарлируем потоки воздуха. Они знали, что такое Сердце Плоты, не по наитию, а по чертежам. И если истинный вектор ведёт в самую глубину, то дверь в эту глубину заперта на замок, отлитый в том храме. Ключ — там. Не физический. Принцип. Формула. Истина.

Теперь горечь в его голосе смешалась с чем-то вроде холодной решимости.

— Мы, их творения, столетиями боялись туда смотреть. Это напоминание о том, что мы не свободны. Что наше небо — может быть, всего лишь просторная клетка. Но теперь... теперь ты говоришь о трещине, которая ломает и клетку, и всё остальное. Значит, пора перестать бояться своих создателей. Пора спуститься в ту лабораторию и вырвать из их мёртвых рук последний, самый страшный секрет. Ради нашего общего неба.

Элиас почувствовал, как в груди загорается новая, осторожная надежда. Ключ. Путь. Не просто вектор, а конкретная цель.

— Где этот храм?

— Высоко, — сказал Кейрин, указывая куда-то вверх, к самым непроглядным слоям облаков, нависавших над столбами. — Выше гнёзд. Где воздух становится ножом, а ветер поёт песни забытых бурь. Мы полетим. Завтра на рассвете.

Элиас заколебался. Его лицо выдавало внутреннюю борьбу. Он ненавидел признаваться в слабостях, но ещё больше ненавидел пустую трату времени из-за гордыни.

— Лететь... — он выдохнул. — Я летаю... мягко говоря, не очень. Я могу подняться. Или упасть. Между этими состояниями контроля... почти нет. Я грубая сила, Кейрин. Не ветер.

Кейрин впервые за весь разговор улыбнулся — не снисходительно, а с лёгким, почти профессиональным интересом.

— Тогда мы потратим время с пользой. Десять дней и я научу тебя летать. Научу парить. Чувствовать воздух. Слышать его. Если ты действительно должен достичь Сердца, тебе понадобится не сила молота, а ловкость пера в урагане бытия.

Глава 7

Обучение началось на следующее утро на самой высокой и открытой площадке Гнезда. Ветер здесь был не предвестником полёта, а враждебной, хаотичной силой, бьющей в лицо.

Кейрин не позволял ему даже пытаться оторваться от земли. Первым испытанием стала не бездна, а собственное тело. Элиаса заставили лечь грудью на холодный, отполированный ветром камень самого высокого уступа, так что подбородок и часть плеч свешивались в пустоту. Лицом — в колышущуюся пелену облаков, под которыми зияла километровая пропасть. Руки велено было вытянуть вдоль тела, ладонями вверх, будто для того, чтобы ловить падающий воздух.

— Дыши, — сказал Кейрин, устроившись рядом в безупречной, расслабленной позе, словно лежал на пуховой перине. — И да, забудь всё, что ты знал.

Инструкции были краткими, почти жестокими в своей простоте.

Вдох. Не грудью, а животом. Медленно. На десять ударов сердца. Воздух должен был вползть в него, как холодный, тонкий слиток, а не врваться потоком.

Задержка. На двадцать ударов. Здесь начинался ад. Лёгкие, привыкшие к щедрому, плотному воздуху его мира, судорожно сжимались, диафрагма упрямо дергалась, требуя продолжения. В висках начинало стучать.

Выдох. Ещё медленнее. На пятнадцать ударов. Выпускать не просто воздух, а, как говорил Кейрин, «тяжесть».

Ощущение паники, сконцентрированное в груди.

Пауза. Полная пустота. На пять ударов. Когда тело понимало, что сейчас не последует немедленного вдоха, и внутренне содрогалось.

— Воздух там, наверху, — голос Кейрина резал рёв ветра, как тончайшая стальная струна, — не слуга. Он скупец. Скряга. Каждый глоток — на вес солнечного луча. Ты должен научиться выжимать из него не кислород, а силу. Сам потенциал к движению. Дыши не лёгкими. Заставь дышать кожу. Каждую пору на всем теле. Представь, что ты не вдыхаешь, а... впитываешь саму высоту. Её разрежённость. Её холодную ясность.

Элиас пробовал. Первый час был пыткой. Его тело бунтовало. Горло сжималось спазмом, грудная клетка болезненно вздымалась вопреки приказу разума. От непривычного, мелкого дыхания и долгих задержек в глазах темнело, в ушах стоял звон, а кончики пальцев немели. Слюна во рту становилась вязкой, медовой от гипервентиляции. Он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег, которая пытается дышать не жабрами, а плавниками.

Кейрин наблюдал молча. Лишь изредка поправлял.

— Ты сжимаешься. Ты борешься с воздухом. Перестань. Позволь ему войти. Ты — пустой сосуд. Треснувший кувшин. Вода сама найдёт щель и наполнит тебя. Не втягивай. Впускай.

Первый день был не обучением, а ломкой. Каждая клетка Элиаса вопила против этой неестественной тирании дыхания. Его тело, выкованное в дуэлях и силовых тренировках, дышало мощно и жадно, как кузнечные мехи. А здесь требовалась тонкость ювелира.

Утро: После первых двух часов Элиаса стошнило от головокружения. Кислый вкус желудочного сока смешивался с холодным ветром. Кейрин, не выражая ни отвращения, ни сочувствия, просто велел прополоскать рот водой и занять положение снова.

— Твой организм — глупец. Он думает, что ты тонешь. Убеди его, что это не так.

День: Спазмы диафрагмы стали настолько сильными, что напоминали удары кинжалом под рёбра. Он покрылся липким, холодным потом, который тут же высушивало лезвие ветра. Временами ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание и свалится в пропасть. Единственным якорем был голос Кейрина, монотонный, как мантра

— Десять... держи... двадцать... отпусти... пятнадцать... пустота...

Элиас научился ненавидеть эти числа. Он цеплялся за них, как за спасительные верёвки в бушующем море собственной физиологии.

Вечер: К концу дня он был пустой оболочкой. Мышцы шеи и плеч свело от постоянного напряжения, челюсть болела от стиснутых зубов. Но рвоты больше не было. Тело начинало устало капитулировать. Это не было успехом. Это было истощением.

На второй день боль не ушла, но отступила на второй план. На её место пришло наблюдение. Тело, измотанное до предела, наконец, перестало яростно бунтовать и начало послушно, хоть и неуклюже, пытаться следовать командам.

Утро: Кейрин изменил задание.

— Сегодня ты считаешь не время. Ты считаешь удары своего сердца. Найди его ритм. Свяжи с ритмом дыханием. Оно — твой метроном в этой пустоте.

Элиас ловил стук в груди, пытаясь растянуть вдох на пять ударов, потом на шесть. Это было гипнотически. Его мир сузился до темноты за закрытыми веками и этого глухого тук-тук-тук.

День: Случилось первое маленькое озарение. Во время одной из мучительных задержек, когда лёгкие горели огнём, а сознание начало уплывать, он инстинктивно попытался вдохнуть не горлом, а... кожей спины и груди. Он представил, будто тысячи крошечных ртов на его теле открываются, втягивая не воздух, а саму прохладу высоты. Паника отступила на долю секунды. Кейрин, словно уловив это мгновение, произнёс.

— Лучше. Ты нащупал дно. Теперь оттолкнись.

Вечер: Он не просто терпел упражнение. Он начал предвкушать короткие паузы полной пустоты после выдоха. В эти две-три секунды не было ни потребности вдохнуть, ни боли от задержки. Была лишь странная, звенящая пустота. В ней не было мыслей о времени или долге. В ней просто было существование.

К третьему дню его тело начало меняться на фундаментальном уровне. Это уже не была ломка или наблюдение. Это была адаптация.

Утро: Дыхательный цикл, ещё вчера бывший пыткой, стал привычной, почти механической последовательностью. Вдох на десять ударов, задержка на двадцать — теперь он делал это, не считая сознательно, отпуская разум в свободное плавание. Он заметил, что его обычное, «нормальное» дыхание в перерывах тоже изменилось — стало тише, глубже, реже.

День: Кейрин усложнил задачу. Он велел Элиасу дышать в такт порывам ветра. Вдох — на подъёме мощного потока, задержка — когда ветер бил в лицо с особой силой, выдох — на его спаде. Теперь Элиас должен был синхронизировать внутренний ритм с ритмом внешнего мира. И случилось невероятное: в моменты такой синхронности ощущение борьбы исчезало совсем. Он не дышал вопреки ветру. Он дышал вместе с ним. Воздух перестал быть врагом. Он стал средой.

Вечер: К исходу третьего дня Элиас лежал на краю платформы, и его больше не мучило от высоты. Лицо, обветренное и покрытое солевой коркой от пота, было спокойно. Внутри царил не боль, а глубокая, костная усталость и та самая «экономия». Он чувствовал, как каждое сокращение сердца стало осмысленным, эффективным, как удар молота опытного кузнеца, тратящего силу не на размах, а на точное попадание. Мысли, обычно мечущиеся между прошлым и будущим, утихли. В ледяной ясности задержек дыхания рождалось новое понимание: сила — это не только то, что ты выбрасываешь наружу. Это прежде всего то, что ты умеешь удержать внутри и растянуть во времени. Он не дышал кожей ещё в полной мере. Но он сделал первый шаг: он перестал быть рабом своего следующего вдоха. Он стал его хозяином. И в этой крошечной победе над собственной природой таился зародыш будущего полёта.

Когда дыхание Элиаса стало больше походить на работу точного механизма, а не на агонию тонущего, Кейрин сменил тактику. Теперь речь шла не о внутреннем ритме, а о внешнем. О том, чтобы услышать мир вокруг.

— Закрой глаза, — сказал Кейрин на утро четвёртого дня. — И выбрось из головы всё, что знаешь о воздухе. Забудь слово «ветер». Теперь это не ветер. Это река. Огромная, невидимая, вечная река, что течёт вокруг камня, на котором мы стоим.

Он сам стоял неподалёку, абсолютно неподвижный, если не считать лёгкого, едва уловимого покачивания, будто он был тростинкой, чей стебель уже скрыт под водой.

— В этой реке есть течения, — продолжил его голос, спокойный и ясный, несмотря на шум. — Тёплые струи, что поднимаются от нагретых солнцем скал. Их ты почувствуешь как лёгкое, сухое тепло снизу, и они тянут вверх. Холодные свищи, падающие с высот — они несут влагу и колют кожу, как иглы, и давят на макушку. Боковые потоки, что облизывают бока утёсов. Водовороты за выступами, где река бьётся сама о себя.

Элиас, с закрытыми глазами и раскинутыми руками, как того требовали, чувствовал в лучшем случае один сплошной, хаотичный удар стихии. Он напрягал слух, но слышал лишь рёв. Пытался чувствовать кожей, но ощущал лишь холод и давление. Это было бессмысленно. Унизительно.

— Ты пытаешься услышать ушами, — поправил Кейрин, будто читая его мысли. — Не надо. Уши — для слов и звериных криков. Твоя кожа — для температуры. Волосы на руках и затылке — для вибрации. Ресницы — для мельчайших касаний капель влаги. Раскройся. Стань пустым сосудом, который наполняет река.

Кейрин подвел его к самому краю платформы, где камень обрывался в ничто. Ветер здесь был не потоком, а стеной. Сплошным, оглушающим валом, который не обдувал, а бил — ровно, методично, выбивая мысли и заставляя рефлекторно зажмуриваться.

— Стой здесь. Не двигайся. И слушай, — сказал Кейрин, и его слова были едва слышны, будто доносились из-за толстого стекла.

Элиас стоял, вцепившись пальцами босых ног в шершавый камень, напрягая каждую мышцу, чтобы его не сдуло. Он заставлял себя не моргать против ледяных ударов, широко открывал глаза и уши. И слышал только шум. Монотонный, всепоглощающий, лишенный каких-либо отличий. Это было похоже на попытку разглядеть узор в струе молока. Безнадёжно. Ярость, знакомая и жгучая, подкатила к горлу. Я трачу время. Целый день. На что? На то, чтобы слушать, как воет пустота?

Он пытался заставить себя чувствовать. Сжимал волю в кулак, посылал ее навстречу ветру, как щуп. Но воля упиралась в однородную массу и беспомощно рассеивалась. Его магия, инструмент для ударов и щитов, была здесь бесполезна. К концу дня он был измотан не физически, а ментально — от бессилия и тщетности. Кейрин молча наблюдал, не хвалил и не ругал. Его молчание было хуже любых упреков.

На пятый день Кейрин сменил тактику. Он отвел Элиаса в боковую нишу, где ветер, врываясь в углубление, начинал бешено кружиться, создавая миниатюрную, яростную бурю. Звук здесь был иным — не ровный гул, а визжащий, прерывистый вой, с бульканьем и свистом.

— Сегодня не слушай, — сказал Кейрин. — Чувствуй кожей. Забудь про уши. Закрой глаза. И отвечай на один вопрос: где теплее? Где холоднее?

Элиас, с закрытыми глазами, вытянул руки в эту крутящуюся мглу. Первые полчаса — ничего. Потом, сквозь общий леденящий холод, он начал улавливать пятна. Мимолетные, неуловимые. Вот щеку на миг коснулась струйка чуть менее ледяного воздуха. Вот ладонь, повернутая под определенным углом, ощутила слабый прилив тепла снизу — настолько слабый, что мог быть игрой воображения.

Кейрин, стоя рядом, стал задавать вопросы, точные, как уколы рапиры в руках опытного фехтовальщика:

— Тепло сейчас на кончиках пальцев или на запястье?

— Холодный поток бьет прямо в грудь или скользит по плечу?

— Чувствуешь, как давление меняется, когда ты наклоняешь голову вправо?

Элиас бормотал ответы, чаще ошибаясь, чем угадывая. Но сам процесс задавать вопросы к своему телу был новым. Он начал замечать то, чего не замечал никогда: как ветерок шевелит отдельные волоски на руке, как по-разному холод ощущается на сухой коже и на слегка вспотевшем лбу. Это были крошечные, разрозненные данные. Беспольные сами по себе. Но их стало много. Он еще не видел картины, но начал ощущать отдельные мазки на холсте.

Шестой день начался с тишины. Не буквальной — ветер выл по-прежнему. Но Кейрин молчал. Он просто указал Элиасу вернуться на открытое место, лицом к основной струе, и встать в ту же позу, что и в первый день.

Элиас встал. Внутри все еще клокотала остаточная ярость от бесплодных попыток, но поверх нее лежал тонкий слой нового навыка — умения дробить общее ощущение на детали. Он закрыл глаза. Не стал заставлять себя. Не пытался «услышать» или «прочувствовать». Он просто разрешил ощущениям приходить. Дышал медленно, как научился. И ждал.

Сначала пришел звук. Но теперь это был не просто шум. Это был хор. Прямо перед ним, в эпицентре потока, воздух выл на высокой, чистой, почти болезненной ноте. Но слева и справа звук был другим — более низким, густым, булькающим, будто река текла через два разных туннеля. Он даже уловил слабое эхо, отскакивающее от далекой скалы — глухой, повторяющийся бас.

Потом пришла температура. Теперь он различил ее четко. В центр груди, прямо в солнечное сплетение, была узкая, обжигающе холодная стрела — нисходящий свист с самых верхних, ледяных слоев. Но щеки, виски, уши обдувало другим воздухом — не теплым, но и не ледяным. Более нейтральным. А под подбородком, у самого основания шеи, дрожал слабый, едва уловимый поток тепла — возможно, отраженный от нагретой за день поверхности скалы под ним.

И наконец, пришло давление. Оно было разным на разных участках тела. На груди и лице — плотным, упругим, давящим. На боках и спине — слабее, разреженным, неровным. Когда он чуть наклонил корпус, давление на левое плечо усилилось, а на правое — почти исчезло. Он почувствовал, как ветер буквально огибает его, как вода огибает камень в ручье, оставляя за спиной зону завихрений и спокойствия.

В этот миг разрозненные данные — звук, температура, давление — сложились. Не в картинку, а в... карту. Трехмерную, динамичную, живую карту воздушных потоков. Он не видел ее глазами. Он чувствовал ее всем существом. Там был главный, холодный поток. Там — боковые струи. Там, чуть левее, в том месте, где высокий визг переходил в низкий гул, а ледяной укол смягчался, должна была быть граница между двумя течениями. А еще дальше, там, где давление было чуть меньше, а в хаосе звуков проскальзывала почти мелодичная нота, возможно, начинался тот самый восходящий поток, теплый и мощный.

Он открыл глаза. Физический мир не изменился. Но его восприятие мира изменилось навсегда. Перед ним была не слепая, враждебная сила. Это была сложная, полная скрытой логики система. И его воля, его магия... теперь у них появилась не точка для удара, а точка приложения. Место, куда можно поставить невидимый парус. Место, откуда можно оттолкнуться. Это было тихое, ясное, непреложное прозрение. Он начал понимать. Не язык слов. Язык самой реальности. И это понимание стоило ему трех дней времени, но открывало путь, который мог сэкономить ему гораздо больше.

Только теперь Кейрин позволил ему использовать магию. Но не для левитации.

— Забудь о том, чтобы поднять себя, — сказал он. — Думай о том, чтобы стать легче. Не отпустить гравитацию, а договориться с ней. Создай вокруг себя не силовой пузырь, а... оболочку согласия. Пусть воздух считает тебя своим. Пусть ветер обнимает тебя, а не бьет.

Кейрин наконец разрешил попробовать. Не летать — подняться. Хотя бы на пару дюймов от камня.

— Забудь про высоту, — сказал он. — Думай только об одном: стань не тяжелее воздуха. Не легче. Равным ему.

Первая попытка была катастрофой. Элиас, собрав волю, инстинктивно сделал то, что умел — резко, мощно толкнул от земли. Результат был не взлётом, а ударом головой о невидимый потолок. Силовой импульс, направленный вниз, с такой же силой вдавил его собственное тело в камень. Он услышал скрежет собственных костей, воздух вырвался из лёгких со стоном. Он не поднялся ни на миллиметр, лишь ощутил, будто на него рухнула скала.

Во время второй попытки, он попробовал создать под ногами сплошную силовую платформу, как делал с водой. Но воздух был не водой. Плотное силовое поле, грубо втиснутое в текучую среду, вызвало резкий, хаотичный выброс энергии. Его не подбросило вверх — его швырнуло в сторону, к самому краю платформы. Только молниеносный бросок Кейрина, чья рука вцепилась в его плащ, не дала ему кубарем полететь в пропасть. Элиас рухнул на камень, обдирая ладони, его сердце бешено колотилось от адреналина и стыда.

Весь день продолжился чередой таких болезненных, унижительных провалов. Он то вжимался в камень с силой, умноженной вдесятеро, то его беспомощно крутило и бросало, как щепку в водовороте. Его магия, этот привычный молот, лишь рубила воздух на куски, создавая хаос, но не давая контроля. К концу дня он был покрыт синяками, его одежда была в клочьях, а дух — подавлен. Кейрин не утешал. Он лишь сказал, глядя на заходящее солнце

— Ты пытаешься грести в воздухе, как в воде. Но здесь нет воды. Здесь нет ничего, за что можно зацепиться. Ты должен не отталкиваться. Ты должен разрешить себя удерживать.

На второй день практики ярость сменилась холодным, методичным отчаянием. Элиас стоял на платформе, игнорируя боль в мышцах, и вспоминал уроки дыхания и чувствования потоков. Он понял свою ошибку. Он пытался действовать на воздух. Нужно было действовать с воздухом.

Вместо того чтобы формировать грубую платформу, он попытался представить, как его воля обволакивает его тело тончайшей, эластичной плёнкой. Не твёрдой. Податливой. И затем он начал не толкать, а... перераспределять. Вспомнив ощущение разного давления на грудь и спину, он попытался силовым полем слегка ослабить давление воздуха прямо над своей головой и так же слегка уплотнить его под ступнями. Не создавая барьера — лишь слегка подталкивая естественный градиент.

Первый раз ничего не произошло. Второй — он почувствовал странное облегчение в стопах, будто камень стал чуть мягче. На третий раз, сосредоточившись до боли в висках, он почувствовал. Не подъём, а исчезновение части его веса. Не более одной десятой. Но это было не вдавливание, а именно потеря тяжести. Его пятки оторвались от камня на толщину монеты. И тут же, потеряв концентрацию, он шлёпнулся обратно.

Но прорыв был совершён. Он нашёл принцип. Не сила, а перенаправление. Не борьба, а настройка, подбор резонанса, Элиас с усмешкой вспомнил Виктора. Кейрин, наблюдавший за этим, впервые кивнул — коротко, без одобрения, но с признанием факта: «Лучше. Теперь ты не молот. Ты... клин. Тонкий. Вбиваешь его не в камень, а в само пространство между воздухом и тобой. Продолжай».

К концу дня он мог, с невероятным напряжением, удерживать это состояние «полуневесомости» на несколько секунд, покачиваясь на невидимом, зыбком фундаменте из перенаправленного давления. Он ещё не парил. Но он перестал быть рабом гравитации.

На девятый день Кейрин вновь изменил условия. Он подвёл Элиаса к краю, где сильный боковой ветер обрушивался на платформу.

— Сегодня не просто удерживай. Реагируй. Поле вокруг тебя — не панцирь. Это... чувствительная мембрана — кожа твоей воли. Ветер ударил слева — позволь полю чуть про-

гнуть, принять удар, и перенаправить его энергию вниз, для устойчивости. Поток снизу потянул вверх — ослабь под собой давление, позволь ему нести тебя. Не командуй. Отвечай.

Это был новый уровень сложности. Элиас стоял, обливаясь потом, его сознание разрывалось между необходимостью удерживать тончайшее поле и молниеносно корректировать его в ответ на меняющиеся ощущения от «карты потоков», которую он теперь чувствовал кожей. Первые попытки были комичны: от бокового порыва его качало, как пьяного, и он, пытаясь скорректироваться, лишь усиливал колебания, едва не срываясь. Но постепенно, через боль и концентрацию, движения стали плавнее. Он научился не сопротивляться толчку, а вписываться в него, как вписывается в поворот лодка, чуть наклонив парус.

А потом Кейрин указал на мощный, устойчивый восходящий поток, который они оба теперь ясно чувствовали — тёплую, широкую реку воздуха, поднимающуюся вдоль солнечной стороны скалы.— Войди в него. И отпусти контроль над «низом». Доверься потоку.

Элиас, сделав шаг с платформы в пустоту на краю потока, испытал момент чистейшего ужаса. Но он сделал, как велели: убрал силовое уплотнение под ногами, оставив лишь тонкую мембрану вокруг тела, слегка разрежающую воздух над головой. И его подхватило.

Не резко. Плавно, неотвратимо, как осенний лист. Он не летел. Он парил. Медленно, по спирали, набирая высоту вместе с тёплым воздухом. Он не управлял движением — он позволял потоку нести себя, лишь слегка корректируя положение тела и поля, чтобы оставаться в струе. Ветер свистел в ушах, а внизу уплывала каменная платформа и фигура Кейрина, смотревшего снизу вверх. В этот миг не было ни ярости, ни страха, ни мыслей о времени. Было только невероятное, тихое чудо капитуляции, которая принесла больший контроль, чем любая битва. Он парил. Всего несколько минут, всего несколько десятков футов. Но это было начало. Из грубой силы рождалось умение. Из молота — перо.

На десятое утро Кейрин не стал давать инструкций. Он просто указал на широкий восходящий поток, хорошо заметный по кружащей в нём искрящейся пылице растений.

— Поймай его. Держись в нём. Не управляй. Разреши нести себя.

Элиас, с сердцем, колотившимся как птица в клетке, шагнул с платформы. Он не упал. Он плавно, как по невидимой наклонной плоскости, соскользнул в струю тёплого воздуха. Ветер подхватил его, закрутил. Паника схватила за горло, но он заставил себя вспомнить всё: экономное дыхание, кожей, ощущение потоков, оболочку-парус. Он перестал бороться. Расслабил неестественно скованные мышцы. И тогда случилось чудо: он не просто перестал падать. Он поплыл. Медленно, неуверенно, но стабильно, набирая высоту вместе с потоком.

Кейрин, легко паривший рядом, лишь кивнул, его тёмные глаза блеснули одобрением.

— Не изящно. Но для десяти дней и каменного человека — достаточно. Ты готов увидеть дорогу. Или, по крайней мере, её начало.

Десять дней. Ещё десять драгоценных дней, вычеркнутых из его счётчика. Но когда Элиас смотрел теперь в бездну, он видел в ней не только угрозу, но и путь. Не тропу, высеченную в камне, а живую, дышащую дорогу из ветра и воли. Они отправились к Храму Первого Взмаха не на рассвете, а в полдень, когда потоки были сильнее всего. Элиас летел рядом с Кейрином, не как равный, но уже и не как беспомощный груз. Он летел, и впервые с момента прибытия в этот мир, движение вперёд больше не означало для него бесконечной, изматывающей борьбы с самой реальностью.

Глава 8

Первый привал случился, когда солнце — или то, что здесь заменяло солнце, бледное пятно за тремя слоями перистых облаков — достигло зенита. Кейрин плавно, почти лениво, соскользнул с восходящего потока и приземлился на широкий каменный уступ, нависающий над пропастью. Его крылья сложились с тихим, шелестящим звуком, похожим на вздох.

Элиас, всё ещё неуверенно балансируя на грани между парением и падением, последовал за ним. Приземление вышло жёстким: он слишком поздно ослабил оболочку-парус и врезался в камень подошвами, едва удержав равновесие. Колени отозвались глухой болью, но он не подал вида.

Кейрин извлёк из перевязи на поясе небольшой, искусно сплетённый мешочек и, не глядя, протянул Элиасу. Там оказались плотные, чуть сладковатые на вкус пластины — пресованный лишайник с высокогорий, смешанный с чем-то, напоминающим мёд. Скорее энергия, а не еда для желудка.

Элиас жевал молча, глядя вниз. Там, за слоями облаков, изредка проглядывала чёрная, неровная линия Камнеглотского плато. Они поднялись уже высоко. Настолько высоко, что скалы внизу казались не горами, а морщинами на коже великана. И где-то там, невидимый отсюда, остался пляж, где его вышвырнуло в этот мир. Где остались «серые» со своим уродливым кристаллом.

И часы.

Он машинально скользнул взглядом по запястью, прикрытому грубым рукавом. Двести девяносто четыре. Ещё три дня утекли в полёт, в попытки удержаться в потоках, в страх перед высотой, который он упрямо давил кулаком в груди. Он не смотрел на часы в воздухе — боялся отвлечься, потерять концентрацию и рухнуть. Но теперь, на твёрдом камне, привычка взяла своё.

Сектор пустоты на первом круге стал чуть шире. Неумолимо.

И тут его осенило.

Он поднял голову, встретившись с тёмными, бездонными глазами Кейрина. Летун сидел неподвижно, как изваяние, лишь кончики его крыльев чуть подрагивали, ловя невидимые Элиасу колебания воздуха.

— Сколько? — спросил Элиас. Голос прозвучал хрипло, почти грубо. — Сколько нам ещё лететь?

Кейрин склонил голову. В этом жесте не было насмешки, лишь лёгкое, почти неуловимое удивление.

— Ты раньше не спрашивал, это важно? — сказал он. Не упрёк, констатация.

— Я... — Элиас осёкся. Он не спрашивал. В лихорадке подготовки, в отчаянном желании наверстать потерянные в каменном мешке дни, в унижительной, выматывающей борьбе с собственной физиологией на краю платформы... Он просто не подумал. Принял как данность, что храм где-то рядом, за следующим уступом. Что время, которое он тратит на обучение, — это последняя крупная инвестиция перед финальным рывком.

Глупая, непростительная ошибка. Для стратега. Для солдата. Для него.

— Сколько? — повторил он, и в голосе прорезалась та самая стальная жила, что заставляла камень рассыпаться.

Кейрин посмотрел на запад, туда, где за перистыми облаками угадывалось нечто более плотное, более тёмное — далёкая гряда скал, уходящих в бесконечность.

— Храм Первого Взмаха находится в Сердце Воздуха, — произнёс он размеренно, как читают лекцию. — Это не просто место. Это состояние высоты. Мы, Илирии, не строим святыни у подножия. Мы возносим их туда, где ветер становится песней, а дыхание — молитвой.

— Он сделал паузу. — Путь от Гнезда Кейрин до Храма при благоприятных потоках занимает у опытного летуна около трёх месяцев.

Тишина.

Элиас слышал, как кровь шумит в ушах. Громче ветра. Громче гула в скалах. Громче тиканья часов, которые вдруг стали отсчитывать не дни, а удары сердца, каждый из которых приближал его к пропасти.

— Три... — он не договорил. Язык прилип к нёбу.

— Месяца, — спокойно подтвердил Кейрин. — Возможно, чуть меньше, если мы пойдем Южный Свищ на переходе через Молчаливые Высоты. Возможно, чуть больше, если попадём в полосу затишья. Это не предсказуемо. Это часть пути.

Элиас смотрел на свои руки. Грубые, в ссадинах и свежих мозолях от постоянного цепляния за скалы, за жизнь. Двести девяносто четыре дня на первом круге. Он потратил почти сто тридцать, чтобы добраться до летунов, выжить в каньонах, научиться дышать заново. И теперь ему предстояло потратить ещё девяносто. Только на дорогу.

Только чтобы добраться до места, где, возможно, будет ключ.

А потом — спуск в Чрево. Поиск Сердца. Испытание.

— Три месяца, — повторил он вслух. Голос сел окончательно, превратившись в сильный шёпот. — Ты... ты не сказал.

— Ты не спросил, — мягко ответил Кейрин. В его тоне не было жестокости. Лишь терпеливая констатация реальности, к которой Илирии привыкли с рождения. Для них три месяца в небе — не срок. Это ритм жизни. Песня, которую поют не торопясь.

Для Элиаса это был приговор.

Он резко поднялся, едва не сорвавшись с уступа. Внутри закипало что-то горячее, едкое, почти непереносимое. Ярость. На себя. На свою тупость. На этот мир, где расстояния измерялись не милями, а месяцами полёта в пустоте.

— Мне нельзя терять три месяца, — выдохнул он, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — У меня нет трёх месяцев. Понимаешь? Нет!

Кейрин медленно поднялся. Его движения были плавными, лишёнными резкости, но в них вдруг проступила та особая, упругая готовность, которая бывает у хищных птиц перед броском.

— Понимаю, — сказал он. — Я видел твои часы. Первый круг почти наполовину пуст. Для нас, Илириев, время течёт иначе. Мы не носим его на коже. Мы чувствуем его в смене потоков, в старении перьев, в том, как редуют стаи. Но я понимаю цену.

Он сделал шаг вперёд, и теперь они стояли друг напротив друга на узком каменном языке, нанизанном на километры пустоты.

— Я не могу сократить путь, Странник. Воздух не обманешь. Храм ждёт на своей высоте, и ни один Илирий не доставит тебя туда быстрее, чем позволяют ветра. Но я могу предложить тебе выбор.

Элиас замер.

— Ты продолжишь лететь со мной. Три месяца. Я научу тебя не просто парить — я сделаю так, что ты станешь частью неба. Ты будешь чувствовать потоки за километр, ловить восходящие струи, спать на ветру, питаться разреженным воздухом. Ты станешь... почти Илирием. Это сделает тебя сильнее. Возможно, это спасёт тебя в Чреве. — Пауза. — Или ты можешь попытаться найти другой путь. Спрыгнуть вниз, к подножию, и искать дорогу по земле. Через Пустоши Шёпота, через Змеиные Кряжи, через территории каменных людей, которые теперь, возможно, сочтут тебя не спасителем, а божеством, и не отпустят никогда. Этот путь займёт у тебя год. Или два. И ты всё равно не сможешь попасть в Храм, потому что вход в него — только с неба.

Он замолчал, давая Элиасу время осознать.

— Три месяца — это не наказание, — тихо добавил Кейрин. — Это цена. Ты платишь временем за знание. Все платят. Вопрос лишь в том, готов ли ты заплатить.

Элиас стоял, вцепившись взглядом в горизонт. В серую, бескрайнюю даль, за которой скрывался Храм, за которым скрывалось Сердце, за которым скрывалась надежда.

Три месяца. Девяносто дней.

Он потратит их. Потому что иного выбора у него нет. Потому что платить — это единственное, что он умеет делать с тех пор, как мальчишкой дал себе клятву защитить мать и сестру.

— Я полечу, — сказал он. Голос был твёрдым. В нём не осталось места панике. Только холодная, безнадёжная решимость.

Кейрин кивнул.

— Тогда нам пора. Ветер свежеет.

Три дня, которые перевернули всё его понимание полёта.

На первый день Элиас летел, стиснув зубы, воспринимая каждый час как личную потерю, каждый километр украденного воздуха — как выстрел в спину. Он механически следовал за Кейрином, цеплялся за потоки, экономил силы, но внутри у него была пустота. Гулкая, выжженная яростью пустота.

К вечеру первого дня у него заболело всё, что могло болеть. Мышцы спины, непривычные к постоянному балансированию, горели огнём. Глаза слезились от ветра, несмотря на защитный козырек, который Кейрин сплёл ему из гибких прутьев и прозрачной плёнки. Кончики пальцев он стёр в кровь, вцепившись в скалу на очередной вынужденной посадке, когда поток внезапно умер, оставив его в падении.

Кейрин не комментировал. Он лишь указывал направление, поправлял угол атаки крыльев, молча показывал, как экономить силы, скользя по градиенту давления, а не пробивая воздух грудью.

На второй день Элиас перестал считать.

Не потому, что смирился. Потому что понял: счёт не помогает. Часы будут тикать независимо от того, смотрит он на них или нет. Время утекает сквозь пальцы, как песок, и единственное, что он может сделать, — наполнить эту утечку смыслом.

Он начал учиться.

Не так, как на платформе — под присмотром, в контролируемых условиях, с возможностью упасть на камень. Здесь, в открытом небе, цена ошибки была другой. Здесь не было камня. Только бесконечная, серая бездна внизу и хрупкая, зыбкая опора из разницы давления.

Кейрин показал ему, как находить «карманы» — участки тёплого, неподвижного воздуха, затаившиеся между холодными потоками. В них можно было перевести дух, не теряя высоты. Как чувствовать приближение свища — узкой, стремительной струи, которая могла подбросить на сотню метров вверх или, наоборот, швырнуть вниз, к острым зубам скал. Как использовать восходящие потоки не как лифт, а как лестницу — переходя с одной ступени на другую, экономя силы.

Элиас впитывал. Его тело, привыкшее к жёстким, силовым техникам, сопротивлялось. Ему хотелось бить, продавливать, пробивать путь лбом. Но здесь, в воздухе, это не работало. Воздух нельзя было пробить — можно было только убедить. Стать его частью.

И на исходе второго дня, когда солнце уже коснулось края бесконечных облаков, случилось нечто.

Кейрин внезапно изменил курс, свернув в узкую расщелину между двумя скальными пиками, торчащими из облачной пелены, как сломанные клыки. Ветер здесь был бешеным, хаотичным, закрученным в спирали и водовороты. Элиас, уставший до предела, на мгновение потерял концентрацию, и его оболочка-парус схлопнулась.

Он начал падать.

Не камнем — быстрее. Воздух взвыл в ушах, серая мгла рванулась навстречу, вырывая из лёгких последний вдох. Паника, старая знакомая, вцепилась в горло ледяными пальцами. Он попытался собрать волю для «Имппульса», чтобы оттолкнуться от пустоты, — и не смог. Слишком быстро, слишком страшно, слишком...

И вдруг, сквозь вой ветра, он услышал голос Кейрина. Не громкий, не отчаянный. Спокойный, как всегда.

— Не борись. Ты уже часть этого. Вспомни, как ты слушал воздух на платформе. Сейчас он говорит громче. Услышь его.

Элиас закрыл глаза. Не потому, что так надо. Потому что смотреть в несущуюся навстречу бездну было невыносимо.

Он перестал пытаться удержаться. Он разрешил себе падать.

И в этом падении, в этом полном, абсолютном не контролируемом падении, он вдруг почувствовал. Не поток — паузу. Мгновение затишья между двумя бешеными порывами, точку равновесия, где воздух был неподвижен. Она пронеслась мимо него, едва задев плечо. Но он её уловил.

Воля, в которой он отказался, качнулась. Он не создавал оболочку-парус. Он просто... перестал падать.

Не плавно, не грациозно. Резко, болезненно, будто невидимая рука схватила его за шиворот и дёрнула вверх. Его тело, не готовое к такой перегрузке, взбунтовалось — в глазах потемнело, в ушах зазвенело. Но он не падал.

Он висел. В пустоте. Удерживаемый лишь тем, что согласился быть удержанным.

Кейрин подлетел к нему, коснулся плеча. Его лицо, обычно бесстрастное, тронуло некое подобие улыбки.

— Ты понял, — сказал он. — Поздно, на грани гибели, но понял. Это засчитывается.

Элиас не ответил. Он смотрел на свои руки, дрожащие от перенапряжения, на облака внизу, на скалы, которые минуту назад должны были размолоть его в пыль. Он не победил небо. Он перестал с ним воевать.

На третий день утром Кейрин, обычно молчаливый, вдруг заговорил. Не о технике полёта, не о потоках и свихах. О другом.

— Ты всё ещё считаешь потерянные дни, — сказал он. Это был не вопрос.

Элиас промолчал. Он сидел на краю уступа, свесив ноги в пропасть, и смотрел на восход. Здесь, на этой высоте, солнце не было бледным пятном. Оно было огненным шаром, вырывающимся из-за края мира, и его лучи пронзали облака насквозь, превращая серую пелену в расплавленное золото.

— Я не считаю, — наконец сказал Элиас. — Я чувствую. Каждое утро. Это как дыра в груди, которая становится шире.

Кейрин сел рядом. Его крылья, сложенные за спиной, тихо шелестели на ветру.

— У нас, Илириев, нет часов, — произнёс он. — Но у нас есть Память Крыла. Каждое перо хранит отпечаток ветра, который через него прошёл. Чем старше Илирий, тем темнее его крылья. Чем больше он видел, тем тяжелее ему лететь. Но никто не выщипывает старые перья, чтобы стать легче. Потому что каждый полёт — это след. И следы нельзя стереть, не стерев себя.

Он повернул голову, и его тёмные глаза встретились с глазами Элиаса.

— Твои часы — это не враг, Странник. Это твоя Память Крыла. Каждый потраченный день — след. Он не вернётся, но он был. Ты прошёл сквозь него, ты выжил, ты стал другим. Траур по ушедшему времени — это траур по самому себе. А ты ещё жив.

Элиас долго молчал. Солнце поднялось выше, золото расплавленного неба сменилось обычным, серым светом.

— Моя сестра, — вдруг сказал он. — Когда мы были детьми, она боялась темноты. Я сидел у её кровати, пока она не засыпала. Иногда всю ночь. А утром у меня были занятия с учителем фехтования, и отец бил меня за невыспавшиеся глаза. — Он усмехнулся, горько и тихо. — Я ненавижу те часы. Думал: вот бы время шло быстрее. Вот бы скорее наступило утро, чтобы она уснула, чтобы отец отстал, чтобы всё кончилось.

Он посмотрел на своё запястье.

— А теперь я готов отдать всё, чтобы вернуть те часы. Сидеть у её кровати. Смотреть, как она спит. Знать, что она в безопасности. — Пауза. — Но я не могу. Я здесь. И я должен сделать так, чтобы у неё было будущее, в котором она вообще сможет спать по ночам.

Кейрин не ответил. Он просто сидел рядом, и его молчание было полнее любых слов.

— Мы полетим, — сказал Элиас, поднимаясь. Его голос снова был твёрдым. — И я перестану считать. Я не могу вернуть потраченное. Но я могу сделать так, чтобы оставшееся стоило этой цены.

Он шагнул с уступа. Не в падении, не в прыжке. Просто шагнул в пустоту, и пустота приняла его.

На третий день полёта Элиас освоился настолько, что Кейрин перестал постоянно контролировать его траекторию. Он всё ещё летел чуть позади и чуть выше, готовый подхватить в случае срыва, но его крылья двигались ленивее, более расслаблено.

Элиас чувствовал потоки.

Не так, как Илирий — всем телом, каждой порой кожи, каждым волоском на руках. Но он научился улавливать основные «артерии» неба. Холодные, плотные реки, текущие с севера; тёплые, разреженные струи, поднимающиеся от нагретых скал; узкие, свистящие свищи, пробивающие толщу воздуха, как иглы.

Он двигался в этом лабиринте, уже не цепляясь за жизнь, а скользя по нему. Его оболочка-парус, всё ещё грубая и энергозатратная, стала более эластичной. Он научился не тратить силу на удержание, а тратить её на тонкую подстройку, на микроскопические изменения давления, которые позволяли ветру нести его, а не бить.

Кейрин подлетел ближе и, не оборачиваясь, произнёс:

— Впереди поселение. Высокое Гнездо Лиурен. Мы сделаем остановку.

— Зачем? — спросил Элиас. Голос звучал ровно, без прежней одышки. — У меня нет лишнего времени.

— Затем, что у тебя нет выбора, — отрезал Кейрин. — Дальше начинаются Молчаливые Высоты. Три недели непрерывного полёта над зоной, где нет ни одного уступа для привала. Ты не выдержишь без отдыха и нормальной пищи. В Лиурене мы пополним запасы, и я... — он запнулся, — нам нужно кое-что обсудить.

Элиас почувствовал фальшь. Но спрашивать не стал.

Гнездо Лиурен возникло из облачной пелены внезапно. Оно не цеплялось к скалам, как жилище Кейрина. Оно парило. Элиас замер в воздухе, забыв обо всех уроках. Его взгляд метался по конструкции, отказываясь верить.

Это было не одно сооружение. Это был архипелаг. Десятки, сотни огромных, многокамерных образований из спрессованного, застывшего тумана — или чего-то, что им казалось. Они напоминали гигантские, перевёрнутые медузы, чьи щупальца-мостики тянулись друг к другу, сплетаясь в сложную, живую сеть. Внутри полупрозрачных стен мерцали мягкие, тёплые огни, а между «медузами» скользили десятки Илириев, чьи крылья переливались всеми оттенками серого, синего и серебристого.

— Что... это? — выдохнул Элиас.

— Дом, — просто ответил Кейрин. — Для тех, кто устал цепляться к скалам.

Он направился к одной из центральных «медуз», и Элиас, собрав остатки воли, последовал за ним.

Приземление — если это можно было назвать приземлением — оказалось самым странным в его жизни. «Платформа» под ногами была упругой, чуть тёплой и слегка покачивалась, словно живое существо, приветствующее гостя. Элиас инстинктивно напрягся, готовый к любой угрозе, но Кейрин уже шёл вглубь, и его шаги были уверенными.

Внутри оказалось просторно и тихо. Стены из того же застывшего тумана пропускали рассеянный, молочный свет, создавая атмосферу уюта и покоя. На полу лежали циновки из тонких, серебристых нитей. В углу журчал небольшой фонтанчик — вода здесь явно была редкостью и ценностью.

Их встретила Илирия. Старая — настолько, что её перья утратили цвет, став почти белыми, полупрозрачными, как первый лёд. Но крылья всё ещё были огромными, мощными, и в их сложенном очертании чувствовалась былая сила.

— Кейрин, — произнесла она. Голос был тихим, похожим на шелест сухих листьев. — Ты привёл Странника.

Кейрин склонил голову.

— Старейшина Веира. Он ищет путь к Храму.

Веира долго смотрела на Элиаса. Её глаза, выцветшие до бледно-голубого, почти белого цвета, скользили по его лицу, по грубой, чужой одежде, по рукам, сбитым в кровь о скалы и камни.

— Он нашёл путь, — наконец сказала она. — Вопрос в том, готов ли он идти до конца.

Элиас выдержал её взгляд. Не вызов, не мольба. Просто твёрдая, спокойная уверенность.

— Я иду, — сказал он. — Сколько потребуется.

Веира чуть наклонила голову. В этом жесте могло быть и одобрение, и сомнение.

— Тогда слушай, Странник из-за края неба. Ибо дальше начинаются земли, где даже ветер забывает свои имена.

Она говорила долго. О Молчаливых Высотах, где воздух настолько разрежён, что не всякий Илирий может дышать. О ледяных потоках, текущих с самой вершины мира, несущих смерть в каждом касании. О «певцах пустоты» — существах, что обитают в застывшем безветрии и питаются теплом живых тел. И о Храме.

— Он не ждёт тебя, — сказала Веира. — Он просто есть. Тысячи лет он висит на границе мира, где небо встречается с тем, что за ним. Тысячи лет ключ лежит в его сердце. Многие пытались его взять. Некоторые даже дошли.

Она замолчала. Элиас ждал.

— Никто не вернулся.

Тишина повисла в воздухе, тяжёлая, как намокшее крыло.

— Я вернусь, — сказал Элиас. — У меня есть, ради кого возвращаться.

Веира посмотрела на него. Долго. И, кажется, впервые за весь разговор в её глазах мелькнуло что-то, похожее на тепло.

— Тогда, — произнесла она, — позволь нам помочь тебе дойти.

Глава 9

Веира долго смотрела на Элиаса. Её глаза, выцветшие до бледно-голубого, почти белого цвета, скользили по его лицу, по грубой, чужой одежде, по рукам, сбитым в кровь о скалы и камни. Тишина затягивалась, становясь не просто паузой, а отдельным существом, заполнившим всё пространство комнаты. Кейрин замер у входа, и даже его крылья, обычно чуть подрагивающие в такт дыханию, стали неподвижны.

Элиас выдержал этот взгляд. Просто твёрдая, спокойная уверенность человека, которому нечего терять, кроме того, что уже почти потеряно.

— Я иду, — сказал он. — Сколько потребуется.

Веира чуть наклонила голову. В этом жесте могло быть и одобрение, и сомнение. Она видела многих, очень многих, кто приходил к ней с такими же глазами — горящими, отчаянными, полными решимости. Одни хотели славы. Другие — знаний. Третьи — спасти кого-то. Но этот... этот был другим.

Она шагнула ближе. Её шаги были бесшумными — столетия жизни в небе приучили ступать так, чтобы не потревожить ни единой пылинки.

— Ты говоришь, что у тебя есть ради кого возвращаться, — произнесла она. Голос звучал тихо, но в нём вдруг проступила не старческая дребезжащая нота, а глубина, от которой у Элиаса мурашки побежали по спине. — Расскажи. Кто ждёт тебя там, за краем мира?

Элиас замер. Вопрос был неожиданным. Он привык к допросам, к оценкам, к проверкам на прочность. Но этот вопрос звучал иначе. В нём не было ни подозрения, ни испытания. В нём было... любопытство. И что-то ещё, чему он не мог подобрать названия.

— Моя мать, — сказал он. Голос сел, пришлось прокашляться. — И сестра.

— Отец?

— Он... — Элиас запнулся. Слово застряло в горле колючим комком. — Он считает меня неудачником. Слишком мягким. Слишком слабым. Он прав. Я был слаб. Но не для того, о чём он думает.

Он замолчал. Воздух в комнате, казалось, сгустился. Веира ждала.

— Я был слаб, потому что не мог защитить их, — выдохнул Элиас. — Не от врагов с мечами. От него. От его воли. От его решений, которые он принимал, не спрашивая, ломая их жизни, как сухие ветки. Моя мать... она перестала улыбаться, когда мне было семь. Я помню этот день. Она играла на арфе в голубой комнате, и солнечный свет падал на её волосы, и она смеялась. А потом вошёл он. Сказал всего три слова. И её смех умер. Навсегда.

Он не заметил, как его кулаки сжались. Как ногти впились в ладони до крови. Как дыхание стало частым, рваным.

— Моя сестра Лиара... ей четырнадцать. Она ещё не понимает, что её ждёт. Думает, что выйдет замуж по любви. Что будет путешествовать, видеть мир, быть счастливой. А я знаю. Отец уже подыскивает ей партию. Какой-нибудь старый герцог с гнилыми зубами и молодыми амбициями, которому нужна свежая кровь для его вырождающегося рода. И Лиара станет разменной монетой. Если я не вернусь достаточно сильным, чтобы это остановить.

Тишина. Гулкая, абсолютная. Даже фонтанчик в углу, казалось, замер.

— Ты идёшь в Чрево Мира, чтобы стать сильнее, — тихо сказала Веира. — Чтобы вернуться и защитить их.

— Да.

— И ты готов умереть за это?

— Я готов умереть за то, чтобы они жили, — поправил Элиас. — Это разные вещи.

Веира смотрела на него. Долго. Очень долго. И в её выцветших глазах что-то менялось. Лёд, державшийся десятилетиями, давал трещину. Она видела многих. Видела героев, видела

глупцов, видела одержимых. Но этот... этот нёс свою боль не как знамя, не как оправдание, а как груз, который нужно дотащить до конца, даже если руки отвалятся.

— У меня был сын, — вдруг сказала она. Голос дрогнул, впервые за весь разговор. — Три тысячи лун назад. Он тоже хотел защищать. Тоже горел. Тоже ушёл в Молчаливые Высоты, искать Храм, добыть знание, чтобы спасти своё племя от мора.

Пауза. Длинная, как вечность.

— Он не вернулся.

Элиас молчал. Что тут можно было сказать?

— Я думала, что забыла его лицо, — продолжила Веира. — А сейчас смотрю на тебя и вижу. Те же глаза. Та же упрямая складка у губ. Та же готовность сгореть дотла, лишь бы другим стало светлее.

Она протянула руку. Сухие, тонкие пальцы коснулись его щеки. Прикосновение было лёгким, как паутина.

— Ты не мой сын, Странник. Я не ищу в тебе замены. Но когда я смотрю на тебя, я понимаю одно: если бы у него был шанс, если бы кто-то помог ему так, как я могу помочь тебе... может быть, он бы вернулся.

Её глаза блеснули. Впервые за весь разговор в них мелькнуло что-то, похожее на тепло. Не слабость, не сентиментальность. Тёплый свет, пробившийся сквозь вековой лёд.

— Тогда, — произнесла она, и голос её окреп, наполнившись силой, которой не ждёшь от столь хрупкого тела, — позволь нам помочь тебе дойти.

Она обернулась к Кейрину, и тот, до этого стоявший неподвижно, словно изваяние, вздрогнул.

— Кейрин, сын моего народа. Ты поведёшь его через Молчаливые Высоты. Но одной твоей силы мало. — Она снова посмотрела на Элиаса. — Ты, Странник, должен понять главное. Там, куда вы идёте, ветер не поёт. Он молчит. И в этом молчании твой разум будет искать голоса, которых нет. Ты услышишь шёпот своих страхов. Увидишь лица тех, кого не смог защитить. Твоя память станет врагом, твоя совесть — палачом. Выдержать это можно только одним способом.

— Каким?

— Помнить, зачем ты идёшь, — просто сказала Веира. — Не умом — нутром. Каждую клетку тела пропитать этой целью так, чтобы она стала твоим дыханием, твоим сердцебиением, твоей кровью. Тогда голоса умолкнут. Потому что им нечем будет тебя зацепить.

Она сняла с шеи тонкую цепочку. На ней висел небольшой, идеально круглый камень — чёрный, как ночь в пещере, но с одной-единственной алой прожилкой, пульсирующей, как жилка на виске.

— Это Сердце Лиурена, — сказала она. — Не настоящее, конечно. Осколок. Но он помнит тепло нашего гнезда. Носи его. Когда станет совсем неважно, сожми в кулаке и вспомни, что есть место, где тебя ждут. Не как героя — как живого.

Элиас принял дар. Камень был тёплым, вопреки ожиданиям. В его глубине алая прожилка пульсировала в ритме, который совпадал с биением его собственного сердца.

— Я не забуду, — сказал он. И это была не просто вежливость. Это была клятва.

Веира кивнула. Тепло в её глазах не исчезло, но стало глубже, спокойнее. Она повернулась к Кейрину.

— Иди, сын ветра. Время не ждёт. А ты, Странник... — она коснулась его плеча, — возвращайся. Я хочу увидеть, как ты будешь смотреть на свою сестру, когда всё кончится.

Элиас склонил голову. Слова застревали в горле, но он выдавил:

— Я вернусь. Обещаю.

И вышел вслед за Кейрином из парящего дома, унося на шее тёплый камень и странное, почти забытое чувство — что в этом бескрайнем, чужом, перевернутом мире есть кто-то, кто

будет ждать его возвращения не из-за долга, а из-за той самой, давно похороненной, но всё ещё живой человеческой связи, которую он не надеялся здесь найти.

Они улетели из Лиурена на четвёртый день.

Элиас покидал парящий архипелаг с тяжёлым мешком за плечами — Веира и другие старейшины снарядили его так щедро, словно провожали в последний путь. Концентрат из высокогорного лишайника, втрое калорийнее прежнего. Небольшой, но невероятно тёплый плащ из перьев, сплетённых с тончайшими металлическими нитями. И амулет — плоский, гладкий камень с вкраплениями бирюзы, висящий на кожаном шнурке.

— Это Память Потока, — сказала Веира, надевая амулет ему на шею. — В Молчаливых Высотах ветер не говорит. Этот камень помнит его голос. Если ты заблудишься в безветрии, он укажет путь. Не разумом — чутьём. Доверься ему.

Элиас кивнул, сжимая камень в ладони. Он был холодным, гладким, и в его глубине, казалось, пульсировал слабый, едва уловимый ритм. Рядом с ним, под рубахой, висело другое тепло — чёрный камень с алой прожилкой, бившийся в такт его сердцу.

Кейрин ждал его на краю платформы, глядя на запад. Солнце снова превращало облака в расплавленное золото.

— Ты готов? — спросил он.

Элиас посмотрел на своё запястье. Первый круг был пуст уже больше чем наполовину. Он просто знал.

— Готов, — сказал он.

И шагнул в небо.

Ветер подхватил его сразу, властно и уверенно, как старый знакомый. Элиас поймал восходящий поток, скользнул по его гребню, набирая высоту. Кейрин летел рядом, его крылья разрезали воздух с тихим, свистящим звуком.

Впереди, на самом краю горизонта, там, где небо становилось чернильно-синим, угадывалась тонкая, едва различимая линия. Молчаливые Высоты. А за ними — Храм. Сердце. Ответы.

Элиас сжал амулет на шее.

Двести восемьдесят семь.

Он не считал.

Он летел.

Неделя в небе изменила Элиаса больше, чем все предыдущие дни, проведённые на земле. Полёт перестал быть подвигом, требующим сверхчеловеческого напряжения. Он стал... образом жизни.

Он научился спать в воздухе.

Это открытие пришло случайно, на третью ночь, когда организм, доведённый до предела, просто отключился, не спрашивая разрешения. Элиас летел в устойчивом восходящем потоке, его оболочка-парус работала на минимальном автопилоте, а сознание провалилось в серую, лишённую снов пустоту. Очнулся он через четыре часа, всё ещё в воздухе, всё ещё на той же высоте, и Кейрин, летевший рядом, лишь коротко хмыкнул

— Наконец-то.

Теперь это стало привычкой. Он научился находить «лежанки» — широкие, медленные потоки, где можно было расслабить мышцы, позволить телу плыть, а сознанию — отключаться урывками, по часу-два, просыпаясь от малейшего изменения давления. Это не был полноценный сон, но организм, приспособленный к жесткой дисциплине, научился восстанавливаться и так.

Днём они летели молча. Кейрин изредка показывал направление лёгким движением крыла или изменением курса. Элиас следовал за ним, всё более уверенно чувствуя потоки, всё реже оглядываясь на часы. Он не перестал их видеть — каждое утро, просыпаясь, он маши-

нально скользил взглядом по запястью. Но счёт прекратился. Осталось только знание: время уходит, и это не изменить.

Сто восемьдесят три. Сто восемьдесят два. Сто восемьдесят один. Он летел.

На седьмые сутки, ближе к вечеру, когда солнце уже коснулось края бесконечных облаков, превратив их в багровое море, Кейрин вдруг изменился.

Элиас заметил это не сразу — слишком погружён в монотонный ритм полёта. Но что-то заставило его поднять голову. Кейрин, обычно летевший с ленивой грацией, вдруг напрягся. Его крылья, до этого плавно резавшие воздух, сделали резкий, короткий взмах. Голова повернулась — не вперёд, не в сторону горизонта, а вверх.

Туда, где клубились тяжёлые, свинцовые облака, нависающие над ними, как потолок. Элиас хотел спросить, но не успел. Кейрин рухнул вниз.

Не спикировал, не соскользнул — именно рухнул, сложив крылья и бросив тело в свободное падение с такой скоростью, что Элиас на мгновение потерял его из виду. Инстинкт сработал быстрее мысли. Он тоже сложил оболочку-парус и, не думая о последствиях, рванул следом.

Ветер взвыл в ушах, превратившись в сплошной, оглушительный рёв. Серая мгла облаков рванулась навстречу, разорвалась, и Элиас увидел внизу скалу. Одинокий, острый пик, торчащий из облачной пелены, как сломанный клык. Кейрин нёсся прямо к нему, и Элиас, не понимая причины, но доверяя учителю безоговорочно, повторил его траекторию.

И в этот миг мир позади них сам воздух вспыхнул.

Элиас не увидел — почувствовал спиной. Волна жара, такая плотная и яростная, что воздух вокруг зашипел, превратившись в пар. Она ударила в его развёрнутую оболочку, едва не выбив из равновесия, и он, обернувшись на лету, успел заметить лишь одно.

Огромная, тёмная тень, пронзившая облака. И струя пламени, ударившая из этой тени, как из жерла вулкана.

Пламя хлестнуло по тому месту, где они только что были. Элиас почувствовал, как жар лизнул его левую ногу. Боль была мгновенной, острой — кожа на икре вскипела, но плащ из перьев, подаренный Веирой, принял на себя основную часть удара. Металлические нити вспыхнули, задымились, но выдержали. Элиас взвыл сквозь стиснутые зубы, но не остановил падения.

Скала приближалась. Кейрин уже вписался в узкую расщелину у её подножия, и Элиас, собрав остатки воли, рванул следом.

Он врезался в камень плечом, боль прострелила всё тело, но он не обратил внимания. Перекатился, вскочил, прижимаясь спиной к холодной скале, и поднял взгляд вверх.

Дракон.

Элиас видел рисунки в старых книгах отцовской библиотеки. Видел гобелены в залах Совета, где герои прошлого сражались с чешуйчатыми чудовищами. Но рисунки лгали. Гобелены преуменьшали.

Существо, кружащее над ними, было размером с небольшой корабль. Его чешуя отливала не золотом и не медью — она была цвета старой, запёкшейся крови, с багровыми прожилками, пульсирующими в такт ударам чудовищного сердца. Крылья, распахнутые на сотню метров, затмевали небо, и каждое их движение рождало вихри, от которых облака разлетались клочьями. Голова, увенчанная короной из костяных шипов, медленно поворачивалась, и два глаза — два жёлтых, вертикальных зрачка, в которых горел древний, ненасытный голод — шарили по скалам в поисках добычи.

— Изнанка мира, — прошипел Кейрин, прижимаясь к камню рядом с Элиасом. Его лицо, обычно невозмутимое, было бледным, как снег. — Красный Бездны. Старший из огненных. Мы вторглись в его охотничьи угодья.

— Он нас видел? — выдохнул Элиас, растирая обожжённую ногу. Боль была дикой, но кость, кажется, цела.

— Он нас почуял. Тепло. Живое тепло. Для него мы — две искры в холоде. Он будет кружить, пока не поймёт, куда мы спрятались. А потом...

Кейрин не договорил. Вместо слов над скалой разнёсся звук — низкий, вибрирующий, от которого каменная крошка посыпалась с потолка расщелины. Это был не рёв. Это был голос. Древний, торжествующий, предвкушающий.

— Надо уходить, — сказал Элиас. — Вниз. Вглубь скалы. Там он нас не достанет.

— Он достанет, — отрезал Кейрин. — Красные Бездны плавят камень. Для него эта скала — как масло. Он будет жечь, пока мы не выскочим, как мыши из горячей норы.

— Тогда что?!

Кейрин посмотрел на него. В тёмных глазах летуна не было страха. Была только холодная, безнадежная решимость.

— Я отвлеку его. Уведу. Мои крылья быстрее. Он стар, он грузен. Я смогу...

— Нет.

Слово вырвалось раньше, чем Элиас успел подумать. Кейрин удивлённо моргнул.

— Что?

— Ты сказал — я должен дойти до Храма. Без тебя я не дойду. — Элиас говорил быстро, жёстко, отсекая возражения. — Это не твоя жертва. Это не твоя война. Я здесь, потому что должен. Ты здесь, потому что согласился помочь. Я не приму помощь ценой твоей жизни.

— Глупец, — прошептал Кейрин. — Ты не понимаешь. Он сожрёт нас обоих.

— Посмотрим.

Элиас выглянул из расщелины. Дракон кружил, сужая спираль. Его тень накрывала скалу, как одеяло. Жар от его дыхания чувствовался даже здесь, в каменном убежище.

И вдруг, в этом жаре, в этом запахе палёного камня и древней злобы, в Элиасе что-то щёлкнуло. Он вспомнил.

Вспомнил, как раздвинул воду у берега, когда был голым и беспомощным. Как заставил песок сомкнуться вокруг ног «серых», превратив его в ловушку. Как пробил туннель в каменном завале, сдвигая тонны породы одной лишь волей.

Он был молотом. Он всегда был молотом. И молоты не прячутся в щелях, когда приходит время бить.

— Сиди здесь, — сказал он Кейрину. — И если я не справлюсь — улетай. Живи. По крайней мере я пытался.

— Ты сошёл с ума! — Кейрин рванулся к нему, но Элиас уже шагнул из расщелины на открытый камень.

Ветер ударил в лицо. Жар — в грудь. Дракон заметил его мгновенно. Огромная голова повернулась, жёлтые глаза сузились, и в их глубине вспыхнуло нечто, похожее на удивление. Маленькая, горячая точка, выползшая из укрытия. Глупая. Смешная. Вкусная.

Элиас не стал ждать. Он не умел ждать, когда решение принято. Собрав волю в кулак, он не стал формировать защиту. Он ударил.

«Импульс Силы» — не тонкий, не рассчитанный, а грубый, концентрированный сгусток чистой кинетической энергии — врезался дракону в морду.

Эффект был... неожиданным.

Дракон мотнул головой, будто от укуса огромного слепня. Из его ноздрей вырвалось облако дыма, смешанного с искрами. Он не зарычал — он издал звук, похожий на кашель. Удивлённый, почти обиженный кашель.

А затем он ответил.

Струя пламени ударила в скалу, где стоял Элиас, но он уже не стоял там. Он взмыл вверх, используя тот же принцип, что и в полёте, — не парить, а рвануть, толкая себя волей, как из

катапульты. Жар лизнул пятки, но он уже был выше, обходя дракона справа, заходя ему за спину.

Глупость. Самоубийство. Но когда Элиас летел, когда ветер свистел в ушах, а сердце колотилось в ритме боевого барабана, он вдруг почувствовал то, чего не чувствовал никогда прежде.

Свободу.

Не от долга, не от страха. Свободу быть тем, кто он есть. Молотом, занесённым над накопальной.

Дракон разворачивался медленно. Слишком медленно. Его огромное тело, созданное для мощи, а не для манёвра, не поспевало за юркой, бешеной точкой, мелькающей вокруг. Элиас ударил снова — в основание левого крыла, туда, где перепонка крепилась к телу. Удар был точечным, как учила Тилия, её образ мелькнул в сознании на долю секунды, направленным не в чешую, а в сустав.

Дракон взревел. Впервые — по-настоящему, так, что скала под ними дрогнула и пошла трещинами. Крыло дёрнулось, теряя подвижность. Кровь — чёрная, густая, пахнущая серой — брызнула в воздух.

— Получил, гад, — выдохнул Элиас, уворачиваясь от хвоста, который обрушился на то место, где он только что был.

Но дракон учился быстро. Он перестал пытаться достать Элиаса пламенем — слишком непредсказуемо. Вместо этого он замер в воздухе, расправив здоровое крыло, и открыл пасть. Не для огня. Для иного подхода к решению маленькой назойливой проблемы.

Элиас почувствовал это раньше, чем увидел. Давление. Огромное, всеобъемлющее давление, втягивающее его в эту чёрную, бездонную пасть. Дракон не просто дышал — он тянул. Создавал вакуум, воронку, в которую летело всё — пыль, воздух, и Элиас вместе с ними.

Он попытался уйти в сторону, но тяга была сильнее. Его оболочка-парус схлопнулась, бесполезная против этого чудовищного насоса. Он летел в пасть, и жёлтые глаза смотрели на него с победным торжеством.

Время замерло. Вспышка. Воспоминание. Не его — чужое. Виктор в лабиринте. Тонкая, почти незаметная струна, вплетённая в структуру реальности. «Не бей по силе, бей по слабости».

У дракона не было слабости. Кроме одной.

Воздух, который он втягивал, должен был куда-то деваться. Проходить через лёгкие, через жабры, через те органы, что создавали это давление. И в этой системе была точка — единственная точка, где поток сходил в фокус.

Элиас перестал сопротивляться. Он позволил течению нести себя прямо в пасть, сложив руки, как ныряльщик. Жёлтые глаза дракона расширились — в них мелькнуло недоумение, смешанное с подозрением.

А потом Элиас ударил.

В самый последний миг, когда до чёрной бездны оставались метры, он выпустил «Импульс Силы» не в дракона, а в точку фокуса. В горло. В то самое узкое место, где сходились все потоки.

Удар был чудовищным. Энергия, вложенная в этот сгусток, могла разнести небольшую скалу. В замкнутом пространстве глотки дракона она сработала как пробка, вбитая молотом в горлышко бутылки.

Давление схлопнулось.

Дракон издал звук, которого Элиас не слышал никогда — булькающий, удушливый хрип. Его пасть захлопнулась рефлексивно, едва не перекусив Элиаса пополам, но он уже уходил в сторону, используя последние крохи силы, чтобы оттолкнуться от воздуха.

Красный Бездны забился в конвульсиях. Его крылья дёргались, хвост молотил по скалам, выбивая фонтаны каменной крошки. Из пасти хлестала чёрная кровь вперемешку с огнём. Он падал.

Элиас смотрел, как огромная туша рушится вниз, пробивая облака, исчезая в серой мгле. Звук удара долетел до них через несколько долгих секунд — глухой, тяжёлый, окончательный.

Тишина. Элиас висел в воздухе, тяжело дыша. Его трясло. Обожжённая нога горела огнём, плечо, разбитое о скалу при падении, ныло, сил не осталось совсем. Оболочка-парус погасла, и он начал медленно падать.

Но упасть не дали.

Кейрин подхватил его в последний момент, его сильные руки обхватили Элиаса за пояс, крылья распахнулись, ловя поток.

— Ты... — голос летуна был хриплым, сбитым. — Ты... убил Красную Бездну.

— Я... — Элиас попытался ответить, но язык не слушался. В глазах темнело. — Я... просто... проломил...

Он потерял сознание, повиснув на руках Кейрина, а внизу, далеко под облаками, догорали останки существа, которое не знало поражений тысячи лет.

Очнулся Элиас на том же скальном уступе, где они прятались. Кейрин сидел рядом, его лицо было серьёзным, почти торжественным. Рядом тлел небольшой костерок — редкость на этой высоте, но Кейрин умудрился разжечь его из какого-то сухого лишайника.

— Сколько? — прохрипел Элиас, машинально хватаясь за запястье.

— Четыре дня, — ответил Кейрин. — Ты был в отключке. Я уже думал...

Он не договорил. Элиас посмотрел на часы. Сто семьдесят семь. Ещё четыре дня утекло. Он закрыл глаза.

— Мы можем лететь дальше? — спросил он тихо.

Кейрин помолчал. Потом ответил:

— Завтра. Сегодня ты отдыхаешь. Даже молот нуждается в перековке после того, как разбил гору.

Элиас кивнул. Говорить не хотелось. Он смотрел на тёмное небо, усыпанное незнакомыми звёздами, и думал о том, что где-то там, за этим небом, за этим миром, есть другой — его мир, где мать играет на арфе, а сестра спит, укрывшись одеялом.

Он придёт. Обязательно придёт. Даже если для этого придётся проломить всё небо.

Глава 10

Солнце взошло над краем мира, разгоняя ночную серость, но Элиас встретил его с открытыми глазами. Он не спал. Всю ночь он лежал на холодном камне расщелины, прислушиваясь к собственному телу, и тело не радовало.

Каждая мышца ныла так, будто её выкручивали, а потом собрали заново, перепутав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.